

Annotation

Популярное введение в историческую лингвистику.

Две лекции прочитанные в школе "Муми-троль"

"Очень часто люди спрашивают: «Откуда взялось мое имя?» Или просто, откуда взялось то или иное слово. Нередко об этом спорят. Еще один часто задаваемый вопрос: «Какой язык самый древний?»

<http://elementy.ru/lib/430714>

- - [Об исторической лингвистике](#) [Андрей](#)
[Анатольевич Зализняк](#)
    - [Лекция первая, 12 декабря 2008 года](#)
    - [Лекция вторая, 5 февраля 2010 года](#)
-

**Об исторической
лингвистике   Андрей
Анатольевич Зализняк**

Лекция первая, 12 декабря 2008 года

Лингвистике, и в особенности исторической лингвистике, к сожалению, не учат в школе. Школьное обучение в этой сфере сводится к знанию определенных правил для родного языка и элементов иностранного языка. Лучше или хуже вам удастся всё это выучить, зависит уже от индивидуальных ситуаций. Но о том, какова история языков, откуда взялось и как развилось то положение в современном русском языке или в современном английском, которое вы изучаете, — об этом практически никогда не идет никакой речи. А между тем простое наблюдение, чем интересуются люди, какие вопросы они задают, показывает, что очень многих людей, даже большинство, я бы сказал, интересует, откуда что в языке произошло.

Очень часто, например, люди спрашивают: «Откуда взялось мое имя?» Или просто, откуда взялось то или иное слово. Нередко об этом спорят. Еще один часто задаваемый вопрос: «Какой язык самый древний? Правда ли, что русский язык самый древний? Вот я читал где-то (или слышал), что русский язык древнее всех остальных, это правда или нет?» Такие вопросы возникают у очень многих людей. И это всё на фоне того, что школа никаких, даже самых первичных сведений о том, как современная наука на эти вопросы отвечает, к сожалению, обычно не дает.

Вот я попробую чуть-чуть на вашем примере это положение улучшить, кое-что вам рассказать, чтобы такого рода недостатку в школьном образовании — в очень маленькой, конечно, степени — восполнить.

Сперва, пожалуй, остановимся на вопросе о том, какой язык самый древний. Мне его непосредственно

много раз задавали, и неоднократно приходилось слышать, как другие люди об этом говорят. Сейчас об этом можно и почитать. На эти темы много и говорится и пишется. Количество публикаций, книг, журналов выросло во много раз по сравнению с тем, что было 15 лет назад. Прочитать можно самые разные вещи, в том числе и про слова, про то, что с ними происходит, про языки, какой древний, а какой нет. К большому сожалению, я должен вам сказать совершенно откровенно, что большинство этих писаний представляет собой личные фантазии авторов, а к науке лингвистике отношения не имеет — увы! Больше того, как раз популярность приобретают вот такие дешевые сочинения, которые изображают всё это дело как очень легкое: подумал немножко и догадался, ничего изучать особенно глубоко не надо. Это многим нравится. И по телевидению иной раз такое увидишь — я сам наблюдал несколько таких сеансов в недавнее время, когда подобного рода совершеннейшая чепуха с точки зрения лингвистической науки преподносится так, как если бы это действительно были какие-то серьезные соображения.

Причина, конечно, всё та же самая. Если бы эти сочинители и слушатели обо всем этом хоть что-то узнали в школе, то значительная часть таких пустых выдумок не существовала бы.

Итак, классический вопрос: какой язык самый древний? Люди, которые готовы обсуждать этот вопрос, не осознают, что на самом деле, если вдуматься глубже, он бессмыслен. Что значит, что один язык древний, а другой не древний?

Ну, прежде всего, конечно, надо сказать, что существует разумное употребление слов *древний язык* и *древний народ*. Скажем, скифы — древний народ, скифский язык — древний язык. Что это значит? А то, что соответствующие люди и их язык были в древности,

сколько-то веков назад, а сейчас ни того, ни другого, ни народа, ни языка нет. Такое употребление слов *древний язык* понятно и разумно. Но часто про современный язык говорят, что он древний. Вот русский язык — древний или нет, армянский язык — древний или нет? А это уже бессмыслица.

Почему бессмыслица? Давайте просто подумаем. У каждого поколения людей, кто бы они ни были, есть свои родители. Так? В какой момент вы ни будете рассматривать мировую историю, у любых людей, которые в этот момент живут, есть предыдущее поколение. И так до момента возникновения человека — если хотите, до Адама. И все эти поколения говорили. Человек, собственно, тем и отличается от остального живого мира, что это говорящее существо, так что возникновение человека и возникновение языка — это примерно параллельные процессы. Итак, с самого начала существования человека как такового существовала и человеческая речь, какие-то языки. И какое бы поколение мы ни взяли, нынешнее, или то, которое жило двадцать веков назад, оно говорит на языке своих родителей. С маленькими отличиями. Дети, как вы знаете, действительно немножко отличаются по языку, но по очень незначительным признакам — некоторые слова употребляют иначе, некоторые звуки могут произноситься чуть-чуть иначе, чем у родителей, — но всё это ничтожно и почти не замечается. Не бывает перестроек языка столь мгновенных и глубоких, чтобы при переходе от одного поколения к следующему возник новый язык, то есть потерялась бы возможность взаимопонимания между родителями и детьми (недовольство по поводу новых словечек у детей — это, разумеется, мелочь). Верно то, что на протяжении жизни многих поколений малые изменения накапливаются, и язык отдаленных предков становится непонятен, но для одновременно живущих

поколений этот процесс незаметен, язык всегда ощущается как один и тот же.

Бывало, правда, в истории разных народов, что на некоторой территории один язык сменялся другим. На это уходит как минимум два-три поколения, иногда гораздо больше. Иногда несколько сот лет может уйти. В истории хорошо известны случаи, когда какую-то страну завоевывали иноземцы и возникала ситуация с двумя языками: язык исконный и язык иноземцев. Происходила борьба языков, и могло оказаться, что затем все переходили на какой-то один язык. Не обязательно на язык победителей. Есть примеры, когда переходили на язык победителей, а есть такие, когда, наоборот, победители усваивали язык страны, которую они захватили. И тех, и других примеров довольно много. Но в любом случае, даже когда происходил такой переход с одного языка на другой, это просто значит, что через два, три, четыре поколения поколение правнуков стало говорить не на том языке, что поколение прадедов.

Но этот новый второй язык вовсе не возник из ничего. Он прекрасно существовал у того народа, которому принадлежал. Так что никакого возникновения нового языка при этом не произошло. Но может произойти потеря старого языка. Это может быть. Потеря языка при таких конфликтах в ходе истории происходила много раз во многих местах. Многие языки прекратили свое существование ровно по этой причине. Ну, например, можно представить себе совсем уж варварский случай, что пришли такие свирепые завоеватели, которые просто уничтожили всех местных жителей. Тогда понятно, что и язык тоже угас. Но даже когда завоеватели не уничтожают их, а всего лишь покоряют, вполне может быть, что те перейдут постепенно на язык победителей, и их собственный язык забудется. Таких забытых языков, о существовании

которых мы точно знаем, очень большое количество. И еще гораздо больше таких, о которых мы ничего не знаем, о которых не осталось никакой памяти. Но судьба их, безусловно, была именно такова.

Откуда же тогда взялось множество языков? Ответ: ни в коем случае не за счет того, что какой-то язык вдруг произошел из ничего, а всегда как результат ветвления некоего единого старого языка. Чаще всего это происходит в результате того, что жители какой-то страны делятся: часть уходит на новые места, постепенно связь между двумя половинами народа ослабляется, иногда полностью теряется. Сперва они, конечно, говорят на одном и том же языке, но с течением веков в каждой из этих половин накапливаются какие-то свои изменения языка, и постепенно они перестают понимать друг друга. И тогда это уже два разных языка. Это основной источник того, что в мире много языков.

К чему я всё это говорю? К тому, что понятия *древний язык, не древний язык* только тогда были бы осмысленны, если бы языки в какой-то момент возникали, если бы можно было сказать, что, допустим, армянский язык возник в таком-то веке, а до этого его не было. Но это бессмыслица. Как мы увидели, никакой язык одномоментно никогда не возникает. Следовательно, все языки, которые сейчас существуют, строго говоря, имеют один и тот же возраст. Они восходят к какому-то бесконечно глубокому предку, может быть, к нескольким предкам, но, во всяком случае, предельной глубины жизни человечества. Вот, собственно, ответ, почему вопрос «какой язык древнее?» бессмыслен.

Почему же люди, тем не менее, так охотно спорят на эту тему, и им кажется, что они говорят о чем-то содержательном, хотя мы вроде бы видим, что это бессмыслица? А вот почему. В действительности

существует реальная разница не в том, какой язык существует дольше, какой меньше, — этой разницы нет. А существует разница в долготе жизни **названий** языков. Поразительная вещь: существенным оказывается не сам язык, огромная махина из тысяч, десятков тысяч слов, грамматики и прочего, а всего лишь один маленький элемент: название этого языка.

И вот оказывается: на самом деле мы называем древними и осознаем как древние те языки, про которые известно, что уже много веков назад у них было такое же название, как сейчас. Этот факт на нас психологически производит впечатление, и мы говорим: древний язык. Скажем, персидский язык: слово *парса* — название персидского языка — засвидетельствовано уже в VI в. до н. э. (именно в таком звучании: *парса*). Этого достаточно, чтобы можно было сказать, что персидский язык древний, по крайней мере, по нашему ощущению. Значит, он в течение большого числа веков не менял своего названия. Такая вот, казалось бы, внешняя вещь в действительности является основой того представления, что языки бывают более молодые и более старые. Для самой сути языка это, конечно, мало что значит, но для соответствующего народа имеет большое значение. Поэтому про названия языков, действительно, стоит кое-что понять.

Особенно много споров в нашей среде происходит, конечно, по поводу слов *русский язык*. Можно прочесть бог знает что по этому поводу. Например, какие-нибудь сочинения о том, что делали русские семьдесят тысяч лет назад. Это совершеннейший абсурд. Дело в том, что, с одной стороны, конечно, семьдесят тысяч лет назад были какие-то физические предки всех нас присутствующих здесь. Никто из нас не родился иначе как от своих родителей. И так все семьдесят тысяч лет. Но, с другой стороны, язык, на котором эти предки говорили, даже если он и является по прямой линии

древней основой того, что потом стало русским языком, был совершенно в такой же степени русским, как и любым из еще пятидесяти или ста, или двухсот других языков. И совершенно ясно, что никакого такого названия быть не могло.

Что касается названий, то полезно знать, что они складываются разными способами. Как называются языки, страны и народы? Это три разных вещи, но они, конечно, очень тесно связаны.

Весьма часто мы встречаемся в истории со случаями, когда язык называется термином, который, вообще говоря, принадлежит другому народу, а не ему. Например, французский язык. По-русски — *французский*, по-французски — *français*, по-латыни соответственно *Francia* как название страны. Для нас, естественно, это слово связано с определенным романским народом, который происходит от древних римлян, занимает территорию нынешней Франции и, конечно, принадлежит к этому романскому миру. Между тем, само название вовсе не романское. Это название германского племени франков. Центром их первоначального расселения являлись земли, где находится город Франкфурт в западной Германии, который вы прекрасно знаете. Довольно поздно, в V-VI вв., они захватили территорию нынешней Франции. Из франков произошла древнейшая династия королей Франции. Это как раз тот случай, когда имя, которое потом распространилось и на страну, и на народ, и на язык, на котором там говорили, идет от завоевателей. А сами завоеватели свой язык потеряли. Это один из тех случаев, о которых я говорил. Франки, которые вторглись на территорию тогдашней Галлии, довольно быстро растворились с точки зрения языка среди своих завоеванных подданных, усвоили язык, происходящий от латинского, то есть предок нынешнего французского. Однако они дали ему свое название. Язык, который до

того никакого привязанного к данной территории названия не имел, получил его от завоевателей.

Это только один такой пример, но вообще их довольно много. Вот еще пример. Пруссия — типичная германская земля, часть германского государства; считается, что Пруссия — традиционно самое чистое воплощение германского духа. Так вот: прусы, которые первоначально населяли эту страну, — вовсе не германцы. Это балтийское племя, родственное литовцам, от которого сейчас уже ничего не осталось. Их, правда, не убивали, просто после захвата они постепенно перешли на немецкий язык. А название осталось их. Так что Пруссия — исторически вовсе не германская земля.

Вероятнее всего, подобную историю имело и более всего интересующее нас название русского языка, хотя это и является предметом споров. Первоначально слово *русь* было названием не славян, наших предков, а варягов, которые пришли на Русь в конце I тысячелетия — в IX, X, XI вв. Варяжские дружины составили, так сказать, верхний слой тогдашнего славянского общества, и с ними произошло примерно то же самое, что и с франками во Франции. Они довольно быстро усвоили русский язык. Уже во втором-третьем поколении варяжские князья, которые правили Русью, говорили по-русски. От языка варягов на Руси осталось очень мало, даже заимствований в русском языке совсем немного. А имя осталось. Вначале *русью* назывались именно варяжские дружины, которые пришли, затем — то государство, которое они создали в районе Киева, затем — страна вокруг, затем все подчиненные земли. Заметьте, что довольно долго жители всей нынешней европейской части территории России, Украины и Белоруссии считали и называли Русью только маленькую часть страны — территорию нынешних Киевской, Черниговской и Переяславской областей Украины.

Остальные территории тогда еще не воспринимались как Русь. Так, в берестяных грамотах, которые мы находим в Новгороде, в XII в. один новгородец пишет другому: «Я ходил в Русь». Значит, он совершил путешествие из Новгорода либо в Киев, либо в Чернигов, либо в Переяславль. В Новгородской летописи XIII в. сказано, что новгородский епископ такой-то ходил в Русь, вернулся через год. Новгородцы начинают называть себя русскими не раньше XIV в. И это пример, типичный для самых разных стран.

Названия, которые сейчас нам кажутся относящимися к целому народу: все французы, все русские, все арабы и т. д. — почти всегда, если мы углубляемся в древность и изучаем их более основательно, оказываются названиями какой-то очень маленькой их части. Это очень естественно. Дело в том, что участники нынешних споров о древности языка или народа находятся в плену иллюзии, что немецкий народ, французский народ или русский народ тысячу лет назад представлял собой единство примерно того же типа, что и сейчас. Ну, разве что народ был не такой многочисленный; но это была некоторая совокупность людей, которые понимали, что все они принадлежат к одной нации, одному народу. История показывает, что это глубокое заблуждение. Нынешнее представление о том, что такое народ, складывается поздно, и в большинстве случаев в древности мы находим совсем другое представление. Люди жили гораздо более маленькими группками. Вот было у них свое племя, и для него могло быть какое-то название. Причем чаще всего это название было не этническое, типа *французы*, *арабы* и т. д. Они назывались примерно так: *свои*. Или: *люди*. На вопрос «как называется ваше племя», ответом, как правило, было какое-то слово, которое в буквальном переводе значило *свои люди*, просто *люди* или что-то в этом роде.

Многие нынешние названия стран восходят именно к этой идее. Даже в Европе есть, по крайней мере, два места, одна крупная страна и одна область, названия которых начинаются со *сво*, *све* — «свой». Это Швеция, ее древние жители именовались *свеар*, первоначально — «свои люди». И точно такого же происхождения название швабов (*свеби*), с тем же самым *све*- «свой», старым индоевропейским названием своих. Названия с тем же значением (разумеется, с какими-то своими звучаниями) встречаются в самых разных местах мира. Иногда могут быть более сложные названия, типа «настоящие люди». Так что многие названия дальних языков, если их с их собственного языка перевести, превратятся во что-то подобное. Название такого рода не воспринималось как национальное или этническое. Это были просто «люди», в отличие от всего окружающего мира. Часто для этнических групп вообще никакого другого названия не было. И совсем уж часто не было никакого обобщающего названия для всей совокупности разных племен, которые говорили на близких языках или диалектах.

Нередко мы встречаемся с тем, что название какого-то народа возникало не в том языке, на котором этот народ говорил, а у их соседей. Вот у соседей довольно естественно желание каким-то образом обозначить чужих. Причем часто не очень приятным словом. Например, вам хорошо известно, как называются германские народы по-русски. Они называются *немцы*. Это явно исконное русское слово, означающее «немые люди», безъязыкие. Заметьте, что в таких случаях обычно не различают, что это за иностранцы. Может быть, они между собой и различны. Это совершенно неважно, поэтому в древности немцами называли не только людей из Германии. Шведы, датчане, норвежцы — все они в древних русских памятниках совершенно одинаково называются немцами. И такого

рода названий довольно много. Иногда они не несут отрицательного смысла, это просто названия.

Часто те названия, которые мы знаем, совершенно не соответствуют тому, как народы сами себя называют. Вот не знаю, знаете ли вы, как сами себя называют финны?

- *Суоми*.

- О, правильно, знаете! Прекрасно. Ничего общего, правда же? Что *финны* — это не финское слово, ясно уже из того, что в финском языке нет фонемы *ф*. Замечательное явление: они называются словом, которое сами не в состоянии произнести! Самоназвание их *суоми*.

Ну, хорошо, если вы такие образованные, может быть, вы знаете, как армяне сами себя называют?

— *Хай*.

— *Хай*, правильно, совершенно точно! *Хайастан* — Армения. Очень хорошо, знания у вас есть. А весь остальной мир называет их армянами: *arméniens*, *armenians* и т. д.

Слово *германцы* совершенно чуждо германским народам. Ну, сейчас они, конечно, его знают, но в древности их так называли римляне. *Germania* — это латинское название страны, северного соседа Римской империи. А сами себя, взятых всех вместе, они никак не называли. По-видимому, даже полного и ясного осознания того, что они представляют собой племена, говорящие на сходных языках, в отдельном племени не было. А все-таки они сейчас как-то себя называют, верно? Как называют себя немцы?

- *Deutsch*.

- *Deutsch*, правильно. Совершенно ничего общего со словом Германия. Это как раз один из тех самых примеров. *Deutsch* — от древненемецкого *diot* «народ, люди». То есть слово *deutsch* в первоначальном значении — это «людской, народный». Сейчас, конечно,

оно уже означает «германский». Это один из тех примеров, когда люди называют себя просто «люди» или просто «народ». И, кстати, первоначально этим словом обозначались любые германские племена. Этим же словом, которое сейчас по-немецки звучит как *deutsch*, только в древней форме, называли и жителей Британских островов, и датчан, и прочих. В старых латинских записях это так и значит.

Довольно часто один и тот же народ называется своими соседями по-разному. Вот некоторые примеры. Возьмем ту же Германию. Русские и другие славяне называют их *немцами*. А французы как называют немцев?

- *Allemands*.

- *Allemands*. Eh oui. Почему? Да потому что соприкасались они с южной и юго-западной частью Германии, где в древности жило племя, которое именовало себя *алеманнами*. Территория, которую они занимали, это часть нынешней Баварии. Вот эти *алеманны* и дали название всем.

Теперь более трудный вопрос: как называются немцы по-эстонски или по-фински?

- *Сакса*.

- *Сакса*! Прекрасно! Точно! Молодцы! И по-фински, и по-эстонски немцы называются *сакса*. Как вы думаете, почему?

- Племя *саксов*...

- Племя *саксов*, да. Правда, *саксы*, которых мы знаем сейчас, немножко странно, как с финнами соприкасались. Нынешняя Саксония — это область на юге бывшей ГДР.

- Но они были на побережье Балтийского моря.

- Конечно. Есть Нижняя Саксония, Бремен и т. д., которая как раз находится на побережье Балтийского моря. Купцы и прочие визитеры из этих мест постоянно посещали все части Балтийского моря и вот,

пожалуйста, получилось это название: *сакса*. Так что с каждой стороны немцев называли по-своему.

Примерно то же самое, между прочим, и с русскими, если посмотреть, как соседи их называют. Ну, раз вы такие образованные, то, может быть, кто-нибудь знает, как латыши называют русских.

- *Криevi*.

- *Криevi*, правильно, совершенно точно! *Krievs* — русский. Как вы думаете, почему?

- *Кривичи*.

- Да, *кривичи*. В самом деле, их соседями были древние кривичи. Так что название это возникло, конечно, гораздо раньше, чем название *русский*. *Русский*, *русь* — всё это приходит позже, чем те контакты, в силу которых древние латыши могли усвоить название своих соседей.

Ну, раз такая у вас образованность, то, может быть, вы знаете, как финны называют русских?

- *Вене*.

- *Вене*, правильно. А это почему?

- Ну, венеты, там...

- Ну, русские и венеты — все-таки немного разные народы. Но это, конечно, то же самое слово, что и *венеты*. Более того, *вене* — это нынешняя финская форма. Древняя финская форма имела еще *т* в конце слова, это было *венет*. Это *т* отпало со временем. При слове *венет* мы, конечно, думаем о Венеции, но это далеко. А древнее *венет* — это гораздо шире, чем нынешняя Венеция. А самое главное то, что древняя форма названия одного из славянских племен была *вентичи* — *вятичи*. Это та самая форма *вент-* (с носовым *ен*), то есть это то же название. Вятичи могли контактировать с древними финнами, и их название закрепилось.

Такие примеры показывают, как самые разные исторические причины ведут к тому, что закрепляются

те или иные названия языков.

Я немножко далеко ушел в рассказы о древности или недревности разных названий. Надеюсь, что основную идею я до вас донес — о том, что названия языков имеют свою историю. Одни существуют дольше, другие возникают поздно, но к древности самих языков как таковых это отношения не имеет.

Не буду больше на этом останавливаться, потому что это только часть наших сюжетов. Коснемся более непосредственно языковых вещей. Главное, что при наивном, любительском отношении к делу остается незамеченным и чем грешат все эти многочисленные любительские сочинения, гуляющие сейчас, — это непонимание того, что никакие языки не остаются в ходе времени неизменными. Берет, например, любитель в руки журнал или книгу, где изображены какие-нибудь критские надписи XV в. до н. э., которые неизвестно, как читаются. И ему приходит в голову догадка, что такой-то знак похож на русскую букву такую-то, а такой-то знак — на русскую букву такую-то. И получается, что всё это можно читать более или менее по-русски. Ну, некоторые слова изменить придется, но в целом можно. Вы не можете себе представить, какое количество такого рода «открытий» происходит, когда оказывается, что древние критяне говорили по-русски. А уж то, что древние этруски говорили по-русски, — так почти нет такого любителя, который бы этого не утверждал! Почему? Да очень просто, почему. Название-то у них какое: *этруски — это русские*. Смешно, да? Смешно. Но, тем не менее, к сожалению, это распространяется как некая эпидемия. Практически трудно найти такое любительское сочинение, где среди прочего не было бы сказано, что этруски — это русские. И попыткам по-русски прочесть этрусские тексты несть числа.

Это несомненный абсурд, с самого начала. После подобных утверждений дальше уже можно не читать. Почему? Потому что все-таки никто не будет отрицать, что этрусски жили примерно 25 веков назад. Так что даже если предположить, что это русские, то они говорили на русском языке двадцатипятивековой давности, а не на нашем языке. А разница между нынешним языком и языком, который был двадцать пять веков назад, такова, что вы не узнали бы ни одного слова. (Это отдельный вопрос, откуда лингвисты все-таки имеют понятие о том, как говорили предки русских двадцать пять веков назад. Этого я пока не касаюсь, скажу лишь, что лингвисты этим давно занимаются и по этому поводу кое-что знают.) Ясно, что уже одна эта разница совершенно достаточна, чтобы любая попытка читать тексты двадцатипятивековой давности с помощью современных слов была абсурдной.

Это просто иллюстрация того, что если не понимать общего принципа, что все языки меняются, то нечего и пытаться угадать что-то такое в истории языков.

Тот факт, что языки меняются, вообще говоря, очень трудно установить, наблюдая самого себя или окружающих за такой короткий срок, как срок человеческой жизни. Короткий, говорю я, потому что для истории языка это пустяк. Да, конечно, для отдельного человека это целый век. А для истории народа или истории языка каких-нибудь 70, 80, даже 100 лет — это совершенно небольшой срок. Действительно, за такой срок вы никаких изменений языка не заметите. Правда, при тонком наблюдении можно всё же кое-что уловить. Вот мы как раз сейчас переживаем такой период, когда можно заметить, что какие-то изменения произошли за последние 20 лет. Появилось немало новых слов, которых ваши родители уже не знают, только от вас могут узнать. И наоборот, вы тоже кое-каких слов не знаете из тех, которые они употребляют. Так что сейчас

язык проходит период сравнительно быстрого изменения. Но всё равно, даже это быстрое изменение касается всё же очень и очень небольшой части русского языка. Скажем, в русской грамматике ничего не изменилось, даже при всех ваших новых словечках, которыми вы можете щеголять. Грамматика остается такой же, какой была 200 лет назад.

Так что маленькое изменение есть, оно достаточно, чтобы сказать, что язык не стоит на месте, но по-настоящему проверить, что язык может превратиться во что-то нам совсем непонятное, мы, конечно, на протяжении собственной жизни не можем. Для этого нужна гораздо бóльшая дистанция. Но когда письменные памятники, хорошая письменная традиция дают нам возможность это изменение пронаблюдать, оно становится очевидным. Например, хорошо известно, что романские языки: французский, итальянский, испанский, румынский — происходят от латыни. Это такой факт, который, думаю, общеизвестен. Для них для всех сохраняется довольно большое количество письменных памятников, так что можно, начиная примерно с III в. до н. э., и даже немножко раньше, читать подряд тексты вплоть до нашего времени. Сначала это будут латинские тексты, потом позднелатинские, потом, например, раннефранцузские, потом среднефранцузские, потом нынешние французские. Таким образом, получится ровный ряд, где вы увидите непрерывное изменение языка. Современный француз, конечно, может читать тексты двухсотлетней давности, может с некоторым трудом читать тексты четырехсотлетней давности. Но уже для того, чтобы читать тексты тысячелетней давности, ему потребуется специальное обучение. А если еще глубже взять — дойти до латыни, то это для француза будет просто иностранный язык, в котором он ничего понять не сможет, пока специально его не изучит. Так что

совершенно очевидно, что на протяжении какого-то числа веков язык может измениться до того, что вы уже решительно ничего не будете из него понимать.

Разные языки изменяются с разной скоростью. Это зависит от многих причин, они еще не все хорошо исследованы. Но одна, по крайней мере, причина лингвистам довольно известна, хотя ясно, что она не единственная. Она состоит в том, что медленно развиваются языки, которые живут в изоляции. Так, Исландия — остров, и исландский язык — один из самых медленно развивающихся из известных нам. Или, скажем, литовцы долгое время жили за непроходимыми лесами, отделенные этими лесами от окружающих народов. И литовский язык — тоже очень медленно развивающийся. Арабский язык долгое время находился в пустыне, отделенный от остального мира непроходимыми песками. И пока он не стал почти всемирным, он развивался очень медленно.

Напротив, языки, которые находятся в контакте друг с другом, развиваются гораздо быстрее. Языки с наиболее быстрым ритмом развития находятся на перекрестках мировых цивилизаций.

Но есть, конечно, и другие причины; лингвисты не всё знают. Они далеко не все еще исследованы. Скажем, русский язык, вообще говоря, относится к сравнительно медленно развивающимся языкам. Разница между русским языком X в. и XX в. гораздо меньше, чем, например, между английским языком этих же веков (или французским). За последнюю тысячу лет английский язык изменился необычайно сильно. Если вы знаете современный английский язык, это почти ничего вам не даст для чтения английского текста X в. Вы там только некоторые слова узнаете, не более того. Смысла текста вы не поймете; этот язык надо изучать как новый иностранный. В отличие от ряда других языков: например, исландский язык очень мало изменился за

тысячу лет, литовский мало изменился (правда, для литовского языка мы тысячелетних данных не имеем, но это ясно из других соображений). Так что разница в скорости изменения может быть очень велика.

Единственно, чего не может быть, это языка, который вообще не изменяется. Формула здесь, в общем, очень простая: не изменяются только мертвые языки. Никакой живой язык остаться без изменений не может. Этот жесткий закон ныне лингвистика знает совершенно твердо. Причина состоит в том, что язык — это не готовый предмет, а инструмент, который непрерывно используется. Если язык не используется, он мертвый, он остановился в своем развитии. А именно в силу того, что живой язык используется, в каждом акте его использования происходит какой-то микроскопический сдвиг, толкая его в сторону того или иного изменения. Это такая борьба интересов того, кто говорит, и того, кто слушает. Говоря проще: стремления к экономии со стороны говорящего и стремления к экономии со стороны слушающего. Наконец, совсем просто: борьба лени говорящего и лени слушающего. Говорящему лень произносить все фонемы, все звуки слова один за другим, полностью их артикулируя. И, если условия ему позволяют, он может говорить невнятно, произносить слова едва-едва. Каждый из нас знает, что бывают моменты, когда именно так, невнятно разговаривает с нами собеседник. Что в этом случае делать? Если вам сколько-нибудь важно понять, что человек сказал, то вы его переспрашиваете. Это и есть акция сопротивления слушающего. Слушающий, в отличие от говорящего, заинтересован в том, чтобы всё было сказано внятно, все слова произнесены ясно. И он протестует своим настойчивым переспросом. Или же оказывается, что он неправильно понял, чего хотел говорящий. Так слушающий становится помехой

тенденции говорящего сократить, смять слово, произнести его как попало, коротко и невнятно.

Это противостояние вечно, оно заложено в самом механизме языка, и устранить его нельзя. Поэтому язык всегда находится в неустойчивом состоянии. Какая из этих двух сил окажется чуть-чуть сильнее, зависит от очень тонких причин, но всегда происходит какой-то уклон.

Известно, например, что почти все языки, во всяком случае, из известных нам, имеют тенденцию к постепенному сокращению длины слова. Сокращение происходит примерно так. Слова в языке могут оканчиваться по-разному: некоторые на согласный, некоторые на гласный звук. И вот есть много шансов, что слова, которые оканчиваются на гласную, постепенно эту последнюю гласную будут ослаблять, а потом потеряют. В истории языков имеется масса примеров, когда слово имело конечную гласную, а теперь не имеет. Русский язык не исключение. Например, хорошо известно, что всякое нынешнее *сь* в древности было *ся*: *я боюсь, я держусь, вы купаетесь* и т. д. Сейчас нет конечной гласной, сейчас вы говорите: *я боюсь*.

Есть и другие примеры. Какое-нибудь русское же. Как известно, в современном русском языке можно говорить и без *е*: вместо *ты же это сказал* возможно *ты ж это сказал*. Это тот же самый эффект.

Возьмем другой язык. Если вы занимались французским, то знаете, что там бывает *e muet* на конце слов. Оно пишется, но оно *muet*, то есть не произносится. А когда-то произносилось. Во французском языке везде, где в современном языке на конце слов пишется *e*, именно так и читалось: [porte], [roze]. А сейчас читается [port], [roz], с потерей конечной гласной. И такие примеры можно привести чуть ли не из любого языка.

Дальше вполне может оказаться, что если в языке много слов кончается на согласный звук, то начнут теряться конечные согласные. Примером тому отлично служит тот же французский язык. Тот, кто учит французский, знает, что конечные согласные не читаются. А эти конечные согласные суть не что иное, как запись произношения примерно пятисот-, семисот-, восьмисотлетней давности. Какое-нибудь французское *fort* [for] — это старое [fort], где [t] утрачено. Французское *gens* [žã] — это старофранцузское [žens], где всё читалось так же, как писалось. Постепенно появлялось новое произношение, какие-то звуки терялись — а орфография сохранялась, поскольку орфография традиционна.

Возьмем, например, латинское слово *digitum*. Ну, поскольку вы такие образованные, то скажите мне, что это значит.

- Число.

- А, это потому, что есть современное слово *digital*? Ну да, конечно. Но это очень позднее значение слова.

- Палец.

- Правильно, это *палец*. Совершенно точно. Я взял это слово не в именительном падеже, в именительном оно будет *digitus*, а в латинском винительном падеже, потому что именно винительный падеж послужил основой для всего дальнейшего развития в романских языках. Посмотрим, что с этим *digitum* постепенно происходило? Я выпишу на доске, как оно менялось с ходом времени.

Итак, *digitum* — это нормальная форма, скажем, эпохи Юлия Цезаря.

Но в народе в эту эпоху, уже во времена Юлия Цезаря, могли произносить вот так: *digitu*. Классический пример потери конечной согласной. Встречался, вообще говоря, даже в эпоху классической латыни, но в качестве вульгаризма, непрестижного уличного

произношения. Но, как известно, это уже залог будущего изменения, чаще всего со временем так и будет.

Еще позже, уже на территории будущей Франции, мы видим вот такую форму: *digitu*. В слове *digitu* ударение на первом слоге. И вот теряется безударная гласная между двумя согласными. Вместо *digitu* просто *digitu*, правда с сохранением некоторой мягкости в этом *dig*, мягкости такого почти русского типа, которая превращает слово вот во что: *dijtu*. То есть следующий ход — это изменение мягкого *g* в *j*: *dijtu*.

Дальше с этим *dijtu* происходит то, о чем мы говорили: конечная гласная долго не живет, получается *dijt*. Это следующее изменение.

Дальше это *dijt* по некоторым другим правилам, уже не столь легко объяснимым в рамках краткой лекции, превращается в нечто с гласной, несколько более широкой: *dejt*.

Следующая фаза: вместо *ej* получается дифтонг *ei*: *deit*.

Следующая фаза состоит в том, что вместо этого *e* возникает звук типа $\emptyset$: *døit*. Что-то типа немецкого *deutsch*. Всё это примерно вторая половина первого тысячелетия нашей эры, какие-нибудь V-IX вв. Мы уже находимся в сфере не латыни, а раннего этапа французского языка. Латынь — примерно до этапа *digitu*. Такую латынь называют «вульгарной», то есть народной. Один из вариантов народной латыни — это уже начало старофранцузского языка.

На следующем этапе $\emptyset$ превращается в нормальное *o*, то есть получается *doit*. Здесь мы приближаемся к X в., к эпохе *Песни о Роланде*.

Дальше происходит то, что в составе дифтонга звук *i* изменяется в звук типа *e*: *dóet*. Но ударение здесь всё еще сохраняется старое, на первом слоге.

На следующем шаге меняется ударение. В соответствии с общей французской тенденцией оно становится вот таким: *doét*.

После этого происходит некоторое изменение звука *o* в родственный звук *u*, и получается вот такое произношение: *duét*.

Следующий шаг: теряется слоговой характер этого *u*, то есть получается *dwet*.

Страшно, да, что такое количество изменений происходит? А мы еще далеко от современного французского языка. Всё это время живет *t*, но оно, конечно, не жилец. Следующий шаг такой: *dwe*.

И, наконец, последний шаг фиксируется, с точки зрения лингвистики, уже вчера, в эпоху предпушкинскую. В конце XVIII — начале XIX в. еще можно было говорить *dwe*, хотя это уже звучало немножко старомодно. На улицах уже говорили *dwa*. И точно так же можно было говорить: *Vive le [rwe]!* «Да здравствует король!»; и это было очень изысканно. А *Vive le [rwa]!* в это время говорили на улице. И это уже и есть современное французское произношение.

А как это [*dwa*] записывается, помните? Записывается это, заметьте, так, как никогда не произносилось: *doigt*. Больше всего это похоже на хронологический уровень примерно X века: *doit*. А как вы думаете, откуда взялось здесь *g*? Это действительно трудно вообразить. Конечно, прежде писали без всякого *g*, но умники и знатоки стыдились того, что французский язык потерял замечательное латинское *g* в слове *digitum*, и вот его вставили в письменную форму слова. Это никогда ничему не соответствовало, потому что звук *g* был потерян десять ходов назад. Вот такое маленькое чудо.

Я привел вам иллюстрацию того, что нужно, чтобы проследить путь от латыни к французскому языку. Всего две тысячи лет, даже, собственно говоря, меньше. Еще в

первые века нашей эры в хорошем произношении могло сохраняться *digitum*.

Такие вещи умеет делать серьезная историческая лингвистика для истории самых разных языков. Такие языки, как французский, обслужены очень хорошо. Всё это исследовано в деталях для каждого типа звуковых сочетаний. Для французского языка современная историческая лингвистика прекрасно может для любого слова, если оно восходит к латыни, проследить всю его историю, подобно той, которую я вам показал на отдельном примере.

В то небольшое время, за которое я должен вам что-то рассказать, я могу только попробовать создать у вас самое общее впечатление об исторической лингвистике. Настоящий рассказ об этой науке требовал бы, конечно, целой серии сюжетов, каждый из которых заслуживал бы доброй лекции или более того. Пока что, к сожалению, лишь очень конспективно общие идеи.

Как видите, в истории каждого языка можно проследить последовательные изменения единиц, а именно слов, от древнего состояния к новому. В нашем примере мы имели дело со счастливым случаем, когда всё это довольно хорошо фиксируется письменностью. Правда, не так буквально, как написано на доске, — ведь я написал всё это не в орфографии, а в фонетической транскрипции. На самом деле для того, чтобы проанализировать то, что имеется в рукописях, нужна специальная практика и специальная дисциплина. Но, тем не менее, в данном случае это счастливый вариант: мы и древние слова (латинские) видели записанными, и те, что были в промежуточные периоды, известны по памятникам. Для случаев, когда такой письменной традиции нет, ситуация гораздо сложнее. И тем не менее, в принципе и в этих случаях лингвистика умеет достигать результатов такого же

типа — может быть, менее гарантированных, но находящихся в том же методологическом ключе.

Что здесь главное? Помимо самого принципа, что язык всегда меняется, имеется следующий, второй принцип, который, к сожалению, я не имею сейчас возможности изложить вам подробно, но который, однако же, очень настойчиво сформулирую. Принцип этот состоит в так называемой регулярности фонетических изменений. Это великое открытие лингвистики XIX века. Собственно, оно и считается началом научной лингвистики как таковой. Про какие-то другие разделы лингвистики можно сказать, что они возникли раньше, но историческая лингвистика существует именно с первой четверти XIX века. Обычно основоположниками ее называют двух ученых: немецкого лингвиста Франца Боппа и датского лингвиста Расмуса Кристиана Раска. Но на самом деле, целая группа ученых способствовала получению первых выводов исторической лингвистики.

Главный из них состоит в том, что изменения, примером которых является любой переход от одного этапа к следующему в разобранной нами эволюции слова *digitum*, обладают замечательным фундаментальным (и неожиданным для человечества) свойством: они обязательны для данного языка в данную эпоху его развития. Это значит, что если у вас на каком-нибудь этапе развития, допустим, *deit* переходит в *døit*, то и какой-нибудь *reik* непременно переходит в *røik*, *peis* переходит в *pøis* и т. д. Решительно во всех случаях, когда в слове имеется сочетание такого же типа, эффект будет такой же. Понятно, что на этом полностью отменяется наивное любительское представление, что любой звук в любом слове может случайно перейти в какой-то другой. Нет никакой случайности в языке.

Это и есть основа для исторического языкознания как научной дисциплины, а не просто как гадания.

Удалось установить, что в отдельном слове индивидуального перехода, даже самого простого, допустим, перехода *о* в *а*, не обнаруживается практически никогда. Не бывает такого, чтобы в одном слове это произошло, а больше нигде не происходило; скажем, было произношение *сОбака*, а стало *сАбака* — именно в этом слове. Переход осуществляется таким образом, что безударное *о* в русском языке такого-то времени в любом слове, где оно имеется, будет произноситься уже не как *о*, а как *а*. Именно это утверждение: **в любом слове, где имеется такая-то фонема или такое-то сочетание фонем, произойдет такое-то изменение**, — и есть фундаментальный принцип исторической лингвистики. Его открытие было громадным скачком, примерно таким же по значимости, как открытие периодической системы элементов для химии, закона тяготения для физики и т. д. На этом принципе основаны все исследования предшествующих состояний языков.

Изучены все ситуации, где возникают кажущиеся отклонения, как бы исключения из принципа регулярности фонетических изменений. За недостатком времени я не имею возможности дать подробный разбор примеров. Скажу только, что много раз повторялась следующая ситуация. Формулировалось некоторое правило, допустим, что в таком-то языке в таком-то веке всякое *b* переходит в *p*. Такое изменение в нем систематически наблюдалось. И вдруг выяснялось, что есть какие-то слова, где *b* не перешло в *p*, то есть имеются исключения из сформулированного закона. Это выглядит как нарушение главного, фундаментального принципа, и, следовательно, ставится под сомнение сам принцип.

И вот что мы видим: много раз происходило следующее. Наступала новая фаза изучения предмета, включались другие лингвисты, глубже исследовался

соответствующий материал, и оказывалось, что те исключения, где общее правило почему-то дает «неправильный» результат, подчиняются некоторому другому, более частному правилу. То есть, попросту говоря, выяснялось, что они являются не исключениями, а следствиями некоторого ранее неизвестного дополнительного правила.

Ну вот, может быть, один пример я все-таки укажу, чтобы какие-то имена звучали. Переход *p* в *f*, переход *t* в *th*, переход *k* в *h* — это так называемое германское передвижение согласных. Этому изменению подверглись согласные праиндоевропейского языка при переходе в прагерманский язык, предок всех современных германских языков. Германское передвижение согласных открыли уже основоположники исторической лингвистики. Иначе это изменение (*p* в *f*, *t* в *th*, *k* в *h*) называется законом Гримма, по имени одного из открывших его ученых. Другим лингвистом, независимо установившим эту закономерность, был Расмус Раск. А Гримм — это не кто иной, как Якоб Гримм, один из авторов, наверное, известных вам сказок братьев Гримм. Так что это были такие замечательные люди, которые могли и сказки вечно живущие записывать и придумывать, и быть великими лингвистами. Точнее, великим лингвистом был один из братьев — Якоб Гримм.

Так вот из закона Гримма всё же наблюдались исключения, что делало его как бы не вполне надежным. Например, в каких-то случаях *p* давало не *f*, а некоторый другой результат. И вот примерно через 40 лет после открытия Гримма появилось исследование другого немецкого лингвиста Карла Вернера, которому он дал очень характерное название: «Об одном исключении из закона Гримма». Вернер нашел правило, которому подчиняются наблюдаемые исключения, то есть оказалось, что это вовсе не исключения. На самом деле,

то, будут ли переходы подчиняться непосредственно закону Гримма или закону Гримма с поправкой, зависит от того, какое ударение было в древнем слове. А до Вернера вообще не предполагали, что в германских языках когда бы то ни было имелось разноместное ударение в словах. Но сопоставление с ударением греческого языка и санскрита показало исследователю, что именно этим объясняются все отклонения от закона Гримма. Теперь правило, которое открыл Карл Вернер, называется законом Вернера. Его знают все студенты филологических факультетов, они должны сдавать его на экзамене.

Вот типичный пример того, как развивалось знание, как укреплялось представление о том, что фонетические законы действуют регулярно. Современная лингвистика твердо на этом стоит. Все нынешние достижения основаны на том, что это правило действует безупречно.

К сожалению, большего я вам, наверное, рассказать не смогу. Общая картина выглядит следующим образом. Для каждого языка может быть установлено, как он развивался во времени. Для исследованных языков это уже установлено, для очень большого количества неисследованных языков лингвистам еще предстоит это сделать. Языков в мире около 6000, хорошо исследована история, может быть, одной тысячной их части. Ну, больше немножко, несколько тысячных частей, но до процента вряд ли дотянет. Процент составлял бы 60 языков, а, я думаю, пока еще нет 60 языков, хорошо обслуженных с точки зрения их истории. Ну, пусть будет по оптимистическому счету — один процент. Остальная работа лингвистам еще предстоит.

Так или иначе, у каждого языка имеется история, и с фонетической точки зрения она представляет собой длинную цепь переходов, каждый из которых обязателен. Если какие-то вещи сначала кажутся исключениями, то потом находятся правила, которые

этими исключениями управляют, которые превращают их из исключений в действие более частного правила. И тут уже мне остается только лозунгово объявить вам, что это ключ к тому, чтобы сравнивать между собой родственные языки. В каждом из родственных языков есть своя цепь переходов. Например, между французским языком и итальянским разница состоит в том, что во французском очень длинная цепь переходов, а в итальянском — гораздо более короткая. Итальянский язык развивался намного медленнее, чем французский; французский — один из быстро развивающихся языков. Видите, как он скомкал слово *digitum* до *doigt*. Может быть, кто-нибудь вспомнит, как по-итальянски *палец*, раз вы такие продвинутые? В итальянском языке это *dito*. На нашей цепи переходов это соответствует примерно уровню *dijtu*. Видите, как рано здесь язык остановился. Чуть-чуть продвинуться от этого *dijtu*, и будет нынешнее итальянское слово. Здесь даже не потеряна последняя гласная, произошло лишь упрощение *dijtu* в *dito*.

Сравнивая родственные языки, мы получаем ключ к выявлению системы переходов в каждом из этих языков. Возникает целая дисциплина (рассказывать о ней — отдельная тема), позволяющая путем сравнения родственных языков получать сведения о том, каковы были их прежние состояния. Причем эту технику можно применять даже тогда, когда мы не имеем сведений о соответствующем древнем языке (в отличие от нашего примера с французским и итальянским языками, когда их предок — латынь — нам из текстов хорошо известен). Например, сравнивая английский язык с немецким, шведским, датским, норвежским и исландским, мы можем получать сведения о том, каков был их общий предок — прагерманский язык. Сравнивая славянские языки (русский, польский, чешский, болгарский, сербский, словенский и т. д.), мы можем получать

сведения о том, каков был их предок — праславянский язык.

За последние двести лет разработана целая лингвистическая техника, которая позволяет устанавливать, каков был язык-предок. Чем ближе к нам время, язык которого изучается, тем знание полнее. Для более отдаленных эпох такое восстановление, естественно, касается значительно меньшего числа элементов. Так или иначе, мы можем очень далеко проникать в глубь времен.

И сейчас есть уже безумно смелые попытки получить сведения о первоначальном состоянии языка при его возникновении. Пока еще они находятся на уровне дерзких человеческих мечтаний, однако сама задача уже поставлена. Возможно это или нет — пока вопрос остается открытым. Сама же идея моногенеза, то есть единого происхождения всех языков и ветвлений из какой-то одной первоначальной точки, не является безумной. Она сейчас очень активно обсуждается.

На этом я закончу.

И. Б. Иткин: Пожалуйста, вопросы Андрею Анатольевичу.

А. А. Зализняк: Да, давайте.

Женя Милославский (6 класс): У меня вопрос: а может быть так, что все языки образовались от языка какого-то одного племени? Например, пришло какое-то племя, другое захватило, и все стали говорить одинаково...

А. А. Зализняк: Понимаю тебя, да. Ну, наверное, если правильна гипотеза, которую я назвал гипотезой моногенеза языков, то есть единого происхождения всех языков, то примерно так эту картину и надо себе представить. С одним только маленьким неудобством, что это нужно отнести ко времени, когда человек происходил из обезьяны, а не на какое-нибудь

пустяковое расстояние в две тысячи лет. Не говоря уже о том, что когда вам какой-нибудь совершенный фантаст пишет, что он пришел к выводу, будто все языки произошли из русского (к сожалению, увы, я это читал своими глазами), то это полная чепуха априорно. Но в принципе такая схема может быть.

Почему может быть иначе? Только если представить себе, что, когда человек формировался, в разных местах земного шара возникли разные языки. Это не исключено, может быть и такое. Тогда это называется полигенез. Но если имело место происхождение языка в одном месте, как это сейчас некоторые лингвисты предполагают, то картина примерно та, которую ты описываешь: у некоторого племени, очень маленького, первоначально совсем, наверное, немногочисленного, возник язык. Потом происходило всё это ветвление. Но, повторяю, это безумно далеко от нашего времени! Причем наше время это не какие-нибудь сто лет, или даже четыре тысячи лет.

Женя: Ну, от русского языка фактически ничего не могло произойти, так как русский язык сам произошел от греческого.

А. А. Зализняк: Нет, от греческого русский не произошел. Греческий и русский произошли от общего предка, но не один от другого.

Д. А. Ермольцев (учитель истории и зарубежной литературы): Свою замечательную лекцию Вы начали с некоторых сетований о том, как мало у публики представлений обо всех этих вещах, как мало знаний со школы, с детства. И тут же в очень популярной форме, очень просто, очевидно и быстро некоторые важные вещи разъяснили.

Вопрос в следующем. Почему бы лично Вам, например, или кому-то из Ваших коллег не написать умную, но очень простую и популярную книжку для детей? У нас есть замечательные примеры:

«Занимательная Греция» М. Л. Гаспарова, специальные книжечки серии Л. Е. Улицкой: про еду, про костюм и т. д., где специалисты писали на очень простом живом языке.

А. А. Зализняк: Да, я читал эти книжечки...

Д. А. Ермольцев: С элементами этнографии, социологии...

А. А. Зализняк: Да, хорошие книжечки...

Д. А. Ермольцев: Было бы очень славно написать такую книжку про языки, чтобы искоренять предрассудки и дурацкие мифы. И у нас у всех было бы гораздо меньше затруднений.

А. А. Зализняк: Спасибо, как говорится, за пожелание. Такие вещи по заказу не делаются. Нужно сочетание целого ряда обстоятельств: умения, выделения соответствующего времени из других занятий и много чего еще.

Д. А. Ермольцев: Меньше поводов было бы для сетований.

А. А. Зализняк: Я понимаю Вас. Но я считаю, что в какой-то мере делаю что-то подобное. Правда, не в форме таких книжек, о которых вы говорили, а в более скромном виде более коротких текстов. Но я считаю Ваше пожелание очень правильным. И я бы с удовольствием узнал, что мои более молодые коллеги сделали что-то подобное. Тут полезно, конечно, иметь впереди большой запас жизни. Так что в принципе я думаю, что это как-то исполнится. Не думаю, что моими руками, хотя я стараюсь делать немного похожие вещи. В принципе, конечно, ваша мысль правильная.

Е. И. Лебедева (учитель истории): Андрей Анатольевич, скажите что-нибудь о книге В. А. Плунгяна про языки.

А. А. Зализняк: Это замечательная книга. Всем ее рекомендую. Плунгян ведь не только лингвист, причем лингвист прекрасный, но и преподаватель, который

умеет материал замечательно доносить. Так что эта книга написана очень хорошо.

В. В. Луховицкий (учитель русского языка, школа «Интеллектуал»): Вы в самом начале сказали, что в школьной программе почти ничего по исторической лингвистике нет. У меня, как у учителя русского языка, наоборот, ощущение такое, что в наших обычных школьных учебниках, к сожалению, очень много будто бы исторической информации...

А. А. Зализняк: О да, согласен.

В. В. Луховицкий: Не выделена история языка, не разделена синхрония и диахрония. И самое главное, что представляют собой олимпиадные задания по русскому языку? В основном это вопросы по истории языка, причем сформулированные подчас не очень корректно. А откуда дети об этом могут узнать? Так вот не кажется ли вам, что необходимо делать некий специальный курс истории языка или, наоборот, в школе надо изучать только современное состояние языка?

А. А. Зализняк: Я не знаю, у меня нет на этот счет какой-нибудь далеко идущей концепции, поскольку я всегда был далек от этих проблем. Мне скорее кажется, что специальный курс — это было бы слишком много. Достаточно, мне кажется, было бы давать какие-то сведения вместе с курсом русского языка. Но то, что я видел в учебниках, соответствует тому, что вы сказали. Не просто неуместно дается материал, а еще и, кроме всего прочего, с ошибками, иногда просто безобразными ошибками. Откуда-то такие авторы слышали о том, что надо давать исторические сведения. И сами, по-видимому, не очень хорошо в них ориентируясь, всаживают глупости в учебники. Я наткнулся на пару примеров, которые меня очень сильно возмутили. Я не проверял всех учебников. Но если делать так, то, конечно, лучше ничего, бесспорно.

Наверное, можно было бы внести в учебники какие-то главы типа того рассказа, который я пытался сегодня предложить. Без нелепого настаивания на том, чтобы ученик знал какую-нибудь конкретную вещь из истории древнерусского языка. Это должно быть только приглашение понимать саму проблему, саму механику. А если речь идет о том, чтобы знать конкретно, тогда уж нужно конкретное изучение, но не в рамках курса современного языка. Вот примерно такое у меня представление, но, к сожалению, я не занимался этим вопросом.

В. В. Луховицкий: Еще одна информация. Есть замечательная статья А. А. Зализняка с анализом фоменковских построений. Она семиклассниками воспринимается на ура. В ней можно брать как раз тот популярный материал, которого нам не хватает. Могу всем желающим прислать.

П. А. Егорова (психолог): На протяжении истории языка меняется произношение. Возникает вопрос: почему написание отстаёт? Почему орфография не меняется? Меня интересует ситуация в испанском языке. Там ведь тоже всё менялось?

А. А. Зализняк: Конечно: все европейские языки менялись. В испанском языке произошло оглушение согласных после того, как орфография остановилась. Ну, про английский язык нечего говорить. В отношении современной орфографии английского, французского, испанского можно указать примерное время, когда всё читалось так, как сейчас пишется. Немножко условно, но тем не менее. В английском языке можно себе представить, что слово *business* читалось как *бусинес* и т. д.

Кстати, по этому поводу: замечательно, что тот же Фоменко постоянно оперирует словом *Раша* с твердой уверенностью, что так говорили всегда. Это уже почти стало молодежным жаргоном называть Россию *Раша*,

наша Раша. А между тем, совсем недавно, в XVI в., по-английски слово *Russia* еще произносилось *Русиа*. Для языка это совсем недавно — конечно, не в том смысле, в каком мы говорим про наши жизненные дела. Дело всё в том же консерватизме орфографии.

По-видимому, это составляло общий элемент социокультурного развития Европы. В некоторый момент, когда возникла, кроме всего прочего, идея ценности древности — латинской древности, если говорить конкретно, — появилось ощущение, что каждое следующее удаление в написании от первоначального варианта вслед за грубым уличным произношением есть недопустимая порча святой традиции. Это чисто социальное явление. В другие эпохи этого не было. Во второй половине I тысячелетия еще не дошли до этой идеи и писали, как произносили.

Лингвисты знают это замечательное явление. Есть эпохи, когда общество легко допускает фонетическую запись, а есть эпохи, когда наступает твердое желание установить неизблемое написание. Причем совершенно неважно, что оно при этом далеко уходит от произношения. Мы сейчас считаем, что наша реформа орфографии была ориентирована на то, чтобы писать было удобнее и легче. Но вовсе неверно думать, что человечество всегда так относилось к письму. Существовали целые большие эпохи и общества, в которых требовалось, чтоб писать и читать было трудно, где в письме было чрезвычайно много совершенно, с нашей точки зрения, бессмысленных затруднений. Скажем, шесть разных способов написания одной и той же фонемы, условные буквы и т. д., которые делали грамотность в высшей степени трудной и одновременно невероятно престижной ввиду своей трудности. Писец в Египте был человеком близким к священности, оттого, какие немыслимые вещи он знал и мог писать. И подобная тенденция существовала

в самых разных обществах. Не хотим писать просто, хотим писать так, чтобы нас уважали! Понимаете? И вот, когда побеждает такая тенденция, орфография останавливается. Это и произошло в разных странах Европы.

Лиза Щеголькова (7 класс): Я хотела спросить про слово *палец*. Последняя форма этого слова: *dwa*. А рядом что написано?

А. А. Зализняк: Это орфография, современная французская орфография. Вот, кстати, во французской орфографии такой замечательный парадокс. Почему если писать *oi*, то это будет читаться *wa*? Потому что некогда нормальное *oi*, во всех словах, а вовсе не только в слове *палец*, прошло тот путь, который я описал. Точно так же какое-нибудь слово *король* когда-то произносилось *рой*.

Любопытная вещь, кстати, состоит в том, что примерно в это время, в 1066 году, норманны захватили Англию. Битва при Гастингсе — может быть, вы это изучали. Устанавливается норманнское владычество в Англии, и начинается сильное влияние французского языка на английский. Из французского языка в английский приходит масса слов. Замечательно при этом, что захватчики-норманны вовсе не французы. По происхождению они норвежцы, но уже потерявшие свой норвежский язык и уже говорящие по-французски. Так что, сохраняя имя норманнов, они приносят в Британию французский язык. И вот масса заимствований, которая происходит в это время, обладает тем замечательным свойством, что сохраняет французское произношение этой эпохи. Например, кто помнит, как будет *вице-король* по-английски? *Viceroy*, которое произносится *вайсрой* — и нет здесь никакого изменения *рой* в *руа*. Есть и масса других английских слов, которые обладают фонетикой французского языка X, XI, XII вв. Скажем, по-французски как будет *стул*?

- *Chaise*.

- А по-английски?

- *Chair*.

- Так вот к вам вопрос: как был стул по-французски в XII в.?

- *Чайзе* какое-нибудь.

- *Чайзе* (точнее, даже *чайре*, но сейчас речь не об *р* и *з*). Известно, что французское *ch* (=ш) — это результат перехода *ч* в *ш* примерно в то же время. А англичане это *ч* сохранили и запечатлели то, что заимствовали. В английском языке не произошло изменения в *ш*, а осталось *chair*. И так решительно во всех заимствованиях.

Д. А. Ермольцев: Когда этот переход произошел у французов?

А. А. Зализняк: Я боюсь вам точно назвать век, но где-то между X и XII вв., я думаю. Могу посмотреть.

Д. А. Ермольцев: Карла-то они как звали? Карла Великого?

А. А. Зализняк: *Чарлес*, конечно. *Чарлес*, без всякого сомнения. Карл Великий, бесспорно, был *Чарлес*.

Д. А. Ермольцев: То есть король Чарльз английский — это французская форма?

А. А. Зализняк: Конечно. Карл Великий был *Чарлес Мань*, именно так. Правильно, совершенно точно: английское Чарльз, включая *з*, совершенно всё сохранило. Всякий знает, что во французском языке конечное *s* не читается. Это сейчас. Но оно читалось в слове *Charles* (= *Чарлес*), что и сохранил английский язык. Именно так.

Это вообще довольно любопытная вещь, что заимствования в другой язык могут быть бесценным подарком для историка языка. Например, финский язык — один из языков очень медленно изменяющихся, еще гораздо медленнее, чем русский. Но главное даже не в том, что медленно, а в том, что совершенно по-

своему. Один язык меняет одно, другой — совершенно другое. Вот смотрите, как французский язык смял исконное слово *digitum* — в нем почти ничего не осталось. Всё, кроме звука *d*, новое. А другой язык может быть таким, что в нем не сохранится начальный звук, а всё остальное может очень хорошо сохраниться. Такие вещи лингвистами очень внимательно изучаются.

Возьмем для русского языка какое-нибудь слово *толокно*. Я не уверен, что вы знаете, что это такое, но такое слово есть. Сложными вычислениями современная историческая лингвистика приходит к выводу, что исконная форма была не такая, как сейчас, а вот такая: *tolkuno*. После *k* была гласная — краткое *u*. Не очень сильное отличие от современной формы, но тем не менее отличие. Это знание достигается методом сравнения разных славянских языков и вообще совокупностью методов сравнительного языкознания. А с другой стороны, в финском языке существует заимствование из этого слова, которое попало в этот язык не позже X века, а скорее раньше. Звучит оно так: *talkkuna*. Конечно, нельзя сказать, что оно в точности соответствует древнему славянскому слову. Скажем, *kk* — это такой особый финский эффект, о котором известно, что это правильное соответствие для простого *k*. Зато смотрите. Звук, который славяне записывали как *o*, некогда был похож на *a*; это было что-то среднее между *o* и *a*. В финском слове — просто *a*. И теперь смотрите: в реконструкции у нас *тол*, и здесь *тал*; в реконструкции есть гласная *u*, и здесь есть гласная *u*. То есть, попросту говоря, финский язык как в консервной банке сохранил русское произношение X века.

Для историка языка такие вещи необычайно ценны. Соседний язык, сам по себе, может иметь много особенностей; например, вот это двойное *kk* вместо простого — это финский эффект, и мы знаем, что надо

сделать скидку на эту особенность. В финском языке какие-то свои изменения происходили, но не такие, как в русском. А вот это осталось в чистом виде.

И английский язык точно так же сохранил старое французское произношение, притом, что, казалось бы, там чудовищные произошли изменения. Но не всё изменилось. Вот у англичан осталось *ч*, которое французы не сохранили. Чуть ли не всё остальное в английском языке испытало сложные изменения, гласные там произносятся совершенно невероятным с точки зрения остальной Европы способом, *р* пропало, и прочее и прочее. А вот *ч* осталось. В отличие от французского языка, где происходил свой процесс изменений. Это такой приятный пример того, как контакты языков могут быть необычайно ценны для историка языка.

Александр Аврамов (10 класс): А вот каково происхождение слова *швабра*? Давно меня интересовало, скажу честно.

А. А. Зализняк: Я точно не помню, но, если не ошибаюсь, это просто заимствование из немецкого. По структуре очень похоже на немецкое заимствование.

Ярослав Пилецкий (10 класс): Во что еще может перейти слово *doigt*, которое на доске написано?

А. А. Зализняк: Во что еще может перейти? Это вопрос для лингвистов очень волнующий: может ли наука сказать, что дальше случится. Общий ответ состоит в следующем.

Можно, действительно, перечислить возможности, которые в подобных случаях осуществляются с некоторой вероятностью. Теперь, когда собран материал по большому числу языков мира, можно посчитать, где когда было *ya* и во что оно перешло. Это первая сторона дела. И тогда мы можем сказать, что если не будет какого-то специального выламывания из общей статистики, то будет либо одно, либо другое,

либо третье. А вторая сторона — произойдет это или нет. На второй вопрос лингвисты не умеют отвечать. Это пока невозможно. Больше того, есть теория, очень сильная своей негативной стороной, что это так же непредсказуемо, как то, где произойдет землетрясение, или произойдет или не произойдет некоторая мутация в биологии.

Так что, действительно, вопрос о том, когда некоторое вероятное событие наступит или не наступит, пока что лингвисты решать не умеют. А перечислить, во что это может перейти, — это возможно. Такие вещи как *ya* имеют склонность объединяться во что-то среднее типа *o*, например. Так что переход *ya* в *o* достаточно вероятен. Возможны и какие-то другие варианты. Кроме того, если быть совсем аккуратным, то ответ должен даваться не относительно произвольного *ya* вообще, а для данного языка. В рамках французского языка перехода *ya* в *o* не стоит ждать, поскольку французский язык в основном характеризуется обратным движением. Вообще в разных языках имеются некоторые не очень точно определяемые тенденции самого общего характера в том, в какую сторону произойдут изменения. В данном случае такое слияние *u* и *a* не очень вероятно. Для какого-нибудь языка типа арабского — может быть.

Илья Лебедев (студент-биолог): А вот язык, который существовал в древнем Египте, как он изменялся от начала до конца?

А. А. Зализняк: Понимаете, там много специфических трудностей, поскольку там же не фонетическая запись, а практически консонантическая. Сейчас, когда мы говорим *Нефертити*, *Ра* и т. д., это на самом деле не *Нефертити* и не *Ра*.

Кстати, этот самый слог *ра* как имя бога *Ра* уже неоднократно использовался для современных российских выдумок: это имя бога, дескать,

представлено то в слове *разум*, то в слове *радуга*, то еще где-то. В древнеегипетском имя бога Ра в действительности скорее всего звучало как *рэ*". Реально для этого имени известны согласная *р* и согласная «гортанный взрыв». Чисто условно это передается как *ра*. Имя Нефертити скорее всего произносилось как *нофретет*. Так что фонетическая история египетского языка затруднена, потому что гласные не записываются. Согласные, которые можно проследить, мало меняются, они достаточно устойчивы. У египетского языка был наследник: коптский язык. Собственно говоря, все те гласные, которые восстанавливаются, получены методом некоторой экстраполяции из коптского. Коптский язык уже записывается нормально, со всеми гласными. Но он существовал позже, там огромные временные дистанции, поэтому конкретно для египетского языка фонетику в полном виде восстановить невозможно, только гипотетически. Согласные вроде бы — я не очень много об этом знаю, поэтому говорю довольно приблизительно — как будто бы за всё время существования языка изменялись мало. Но семито-хамитские согласные вообще вещь устойчивая.

М. В. Белькевич (художник, учитель мировой художественной культуры): А можно предположить, какие мутации и изменения будут в русском языке, когда наши внуки будут?

А. А. Зализняк: Да, я понимаю, это такое интересное занятие. Вообще-то есть метод, который позволяет до какой-то степени об этом судить. Конечно, он работает на уровне конкретной проблемы, скажем, склонения существительных или даже конкретного склонения, какого-нибудь сочетания, или синтаксического явления. Берете его в современном языке и смотрите, как оно выглядит сейчас. Берете историю русского языка за последнюю тысячу лет,

памятники есть, можно поработать. И смóтрите, какой получается вектор изменения от X к XX вв. Максимальная вероятность состоит в том, что он продолжится и дальше. Поэтому кое-что я вам могу сказать на основании вот такого рассуждения.

М. В. Белькевич: А можно привести пример изменения какого-нибудь слова. Вы нам из французского пример дали, а можно из русского?

А. А. Зализняк: Про слово это как раз вещь ненадежная, потому что слово — это единичный объект. На основе единичного объекта обобщение невозможно, про единичный объект будут самые ненадежные высказывания. Более надежные высказывания будут про массовые вещи, когда имеются некоторые грамматические линии, в которых участвуют сотни, скажем, слов. Тогда вы, действительно, можете почувствовать какую-то статистику.

Вот, например, вещь, которая понятна. Если взять дистанцию в тысячу лет для употребления кратких и полных прилагательных, это уже задача разумная, потому что их много, у вас будет большой материал. И тут окажется, что в древнерусском языке в позиции сказуемого у вас не может быть полного прилагательного. Такое положение выявляется совершенно отчетливо. Вы не можете сказать: *он храбрый*. Вы можете только сказать: *он храбр*, или: *он был храбр*, *он был смел*, *он талантлив* и т. д. На протяжении тысячи лет в некоторых случаях начинают появляться фразы, когда употребляется полное прилагательное, например, *он безрассудный*. Ближе к нашему времени таких сочетаний становится существенно больше. Сейчас в некоторых случаях, если употребить прилагательное в краткой форме, это будет звучать слишком литературно. Например, как сказать: *он горд* или *он гордый*? Что вы чаще скажете? *Он спокоен* или *он спокойный*? Ну, в данном случае есть

некоторая разница смысла. Но совершенно ясно, что современный язык уже довольно свободно употребляет формы типа *он гордый, он непокорный* и т. д. Таким образом, вектор показывает, что если вы возьмете еще, нет, не двадцать и даже не пятьдесят лет — для нас это ноль, а если вы возьмете ближайшие лет триста, то всего вероятнее, что эта тенденция продолжится. Краткие формы будут употребляться всё реже и реже. Господствовать будет полная форма. Больше того, была даже такая идея, что краткие формы исчезнут вовсе. Я даже пытался сам проверять такую гипотезу, что не будет в русском языке кратких форм вообще, что совсем не будут говорить *чашка полна, она смела* и т. п., а будут говорить *чашка полная, она смелая* и никак иначе. Вроде бы сейчас дело идет к этому. И вот оказалось, что нет, ситуация не такая прямолинейная. Неверно, что все вообще краткие формы со временем исчезают. Оказывается, они не исчезают, если они чем-нибудь управляют. Скажем, фраза типа *Он полон энергии*; здесь нет возможности превратить краткое прилагательное в полное. *Эта страна богата нефтью* — нельзя сказать *богатая*. Оказалось, что те прилагательные, которые имеют при себе подчиненные члены, сохраняют краткую форму вопреки общей тенденции. Таким образом, картина такая: через триста лет, вероятно, все будут говорить: *она смелая*. Если кто-то скажет: *она смела*, над ним посмеются: «Ты свалился нам на голову из XX века». А вот в оборотах типа *богата нефтью* останется краткая форма прилагательного. Так что кое-что мы знаем. Но нельзя сказать, что лингвисты по этому поводу уже много поработали.

И. Б. Иткин: Ну, давайте зададим Андрею Анатольевичу последний вопрос. Только не про швабру...

А. А. Зализняк: А почему не про швабру?..

И. Б. Иткин: В словаре можно посмотреть. Про это не только Вы знаете, Андрей Анатольевич.

Е. В. Падучева: А можно привести примеры слов, которые подчиняются закону Гримма, и исключений, которые подчиняются закону Вернера?

А. А. Зализняк: Можно. Но это потребует нескольких лемм, которые сейчас уже неуместно излагать.

Лиза Щеголькова (7 класс): У меня еще вопрос есть. Вот страны разные, в Центральной Африке, например, они ниже по уровню развития языка более развитых стран?

А. А. Зализняк: Да, это очень важный для лингвистов вопрос. К сожалению, он принадлежит к числу тех, которые слишком близко соприкасаются с деликатными, связанными с эмоциями моментами, поэтому отвечать на них совершенно объективно иногда бывает трудно.

Действительно, были очень разные точки зрения по этому поводу среди участников дискуссии. Одна точка зрения состоит в том, что есть языки совершенно примитивные, которые очень мало чего могут выразить, и есть языки высочайшие, а именно английский, конечно, который может выразить решительно всё. Другая, противоположная точка зрения состоит в том, что никакой разницы между языками не существует. Правда, как обычно бывает в таких случаях, по-видимому, находится не на этих крайних полюсах.

В действительности есть такие аспекты языка, в которых они все совершенно одинаковы, а есть аспекты, в которых они не одинаковы. Например, если ввести такую мерку: соответствует ли язык тому обществу, в котором он используется? соответствует ли, скажем, язык папуасов жизни, которую ведут папуасы? — то оказывается, что ответ на этот вопрос одинаков для всех языков. Языков, которые бы плохо удовлетворяли своих носителей, которые ставили бы их в такое положение, когда что-то важное для их жизни

невозможно выразить, не бывает. Другое дело, что условия жизни, конечно, очень разные у папуасов и, скажем, у английского бизнесмена.

Другая сторона дела состоит в том, бывают ли языки более богатые или бедные по словарю, языки с какими-то тонкими синтаксическими правилами или, наоборот, с расхлябанными правилами? Вот тут разница есть. И оказывается, что она зависит уже не от языка, как такового, и даже не от состояния общества, а от наличия или отсутствия литературной традиции. Языки с большой и особенно с великой литературной традицией, скажем, как английская, как русская, как французская, как итальянская, имеют уже огромный опыт. Большое количество хороших писателей поучаствовало и в накоплении их словарного состава, и в отработке стилистических, синтаксических и прочих деталей. В этом отношении какой-нибудь, например, чукотский язык может быть гораздо менее продвинутым, потому что у них писателей было очень мало, соответствующего опыта нет, в лучшем случае есть, скажем, какие-то фольклорные произведения.

Это в пользу теории о том, что языки неравны. Но они неравны в некоторой части, непринципиальной для главной функции языка. Главная функция языка исполняется одинаково хорошо.

Существенно здесь вот еще что. Когда-то, когда язык возникал, он, наверное, был очень примитивным. Но это было во времена возникновения кроманьонцев, примерно 60–70 тысяч лет назад. Тогда он был еще недостаточен по своей выразительности. Сейчас нам известны по письменности языки примерно последних четырех тысяч лет в лучшем случае. Китайский язык, египетский — примеров очень мало. Примерно такая же или несколько бóльшая глубина достигается с помощью лингвистического анализа. Ну, можно примерно до семи

тысяч лет доходить. Какие-то вещи иногда можно узнавать и сверх этого, но уже лишь очень частично.

И вот пока что обнаруживается следующее: до какой бы глубины мы ни опускались либо по письменным памятникам, либо по реконструкциям, мы находим языки совершенно такой же степени эффективности и совершенства, как современные. Какой-нибудь древнеегипетский язык четыре тысячи лет назад по степени сложности нисколько не уступает современным. В чем-то он может быть сложнее, в чем-то проще. То есть ничего общего между языками, которые мы знаем сейчас, и праязыком человека, когда он начинал от мычания переходить к членораздельным звукам, нет. Здесь дистанция огромная и нам пока что совершенно недоступная.

Вот такой немножко непростой ответ на ваш вопрос. А сам вопрос очень правильный, очень волнующий лингвистов.

И. Б. Иткин: Спасибо большое, Андрей Анатольевич.

Лекция вторая, 5 февраля 2010 года

В прошлый раз, год с небольшим назад, я кое-что рассказывал в этой аудитории об исторической лингвистике. Я много чего хотел тогда вам рассказать, но по времени успел изложить только часть, об остальном сказал совсем бегло. Теперь я воспользуюсь этой возможностью и продолжу то, что собирался рассказывать уже тогда, но что в одну лекцию не укладывается. Немножко повторю и того, что было в прошлый раз, — в качестве напоминания.

Напомню, что в первой лекции мы довольно долго с вами разговаривали о понятии древности языков, древности их названий, о том, существует ли или нет разница языков по древности, — повторять этого не буду.

Самое существенное, что в прошлый раз было рассказано, — это положение, согласно которому все языки меняются, ни один язык не остается неизменным на протяжении времени. И изменения эти, по крайней мере, в том, что касается фонетики языка, подчинены определенным закономерностям.

Главная из них состоит в том, что фонетические изменения не индивидуальны для какого-то одного слова или одного предложения, а если они происходят, то происходят в качестве регулярного изменения некоторой фонемы, которое охватывает уже все слова, где эта фонема встречается. То есть если в каком-то слове в ходе истории языка, допустим, *o* без ударения изменяется в *a*, то это не может быть ограничено одним этим словом. Это может быть только общее изменение всех имеющихся в языке случаев, когда *o* оказалось в положении без ударения; а именно, в этом положении оно начинает произноситься как *a*. Это важнейший для

истории всех языков принцип, и я надеюсь, что я могу далее исходить из него как из чего-то достигнутого, потому что остальное в значительной степени выводится именно из него.

А сейчас мы поговорим о более конкретных вещах, и нам придется постоянно использовать этот принцип, но речь пойдет уже о частных его проявлениях.

Сперва такой более общий вопрос: откуда вообще лингвисты знают что бы то ни было о прежнем состоянии языка или языков? Жизнь человеческая коротка, это просто миг по сравнению с тем временем, сколько живет язык; и то, что человек может непосредственно наблюдать, пока он живет, — это очень ничтожная часть истории языка. А увидеть и узнать, как это было 200 лет назад, 300 лет назад, тысячу и две тысячи лет назад, — никаких прямых возможностей у нас нет. Тем не менее, современные лингвисты немало знают о том, как выглядел конкретный язык: русский, французский и т. д. — раньше, чем появилось то реальное звучание, которое мы сейчас можем слышать.

Какие здесь пути? Вот я их назову. Первый, логически самый простой, основан на том, что если речь идет о таком языке, где давно имеется письменность, то остаются письменные свидетельства предыдущих эпох. Ну, на самом деле, следует понимать, конечно, что громадное большинство языков до сих пор остаются бесписьменными, а если взять положение еще, скажем, на 200 лет раньше, тогда часть письменных языков в общем количестве языков мира была совсем ничтожна. Но всё же сейчас уже существует достаточно большое количество языков с письменной традицией. Эту письменную традицию можно измерять в годах. Есть младописьменные языки, в которых письменность введена не слишком давно, скажем, лет 200 назад. Еще более младописьменные, в которых письменность введена 50 лет назад и так далее. Но есть

старописьменные языки, где традиция уходит в глубь веков. Русский язык принадлежит, конечно, к числу старописьменных языков, где письменная традиция насчитывает примерно тысячу лет. Есть и более длинные традиции, скажем, традиция английского языка несколько больше. То же верно для французского языка, а, скажем, традиция китайского языка насчитывает более трех тысяч лет.

В таком случае, если речь идет о языке, где документы прежней письменности в какой-то степени сохранились, первый и самый простой источник знания о том, как выглядел язык раньше, — это чтение этих текстов. Текстов, из которых вы увидите, что язык был немного не такой, иногда сильно не такой или совсем не такой, но, тем не менее, это явно предыдущая стадия развития нынешнего языка.

Мы уже говорили в прошлый раз о том, что степень различия между современным языком и тем же языком тысячу лет назад для разных языков оказывается очень неодинакова. Скажем, английский язык за эту тысячу лет изменился так сильно, что нынешнему англичанину читать текст X века без подготовки практически невозможно — он очень мало там поймет. Точно так же и вы, если вы английским языком занимались и вам дать текст X века, то, может быть, вы даже не опознаете, что это древнеанглийский, а не какой-то другой язык — настолько сильна степень эволюции этого языка.

В отличие от него, скажем, русский язык изменился гораздо меньше за тысячу лет. Если перед вами будет древнерусский текст XI века, то он, конечно, вам будет труден, во многом непонятен, но все-таки вы прекрасно опознаете, что это тоже ваш язык, только гораздо более архаичный, чем сейчас. Что-то вы поймете, что-то не поймете, но разница так или иначе окажется гораздо меньше.

Такого рода различия можно наблюдать по всему миру. Одинаковым для всех остается то, что различие будет обязательно, только для одних языков оно будет больше, а для других меньше. Анализируя древние тексты (естественно, не с первого раза, когда вы раскрыли рукопись X века, а, может быть, после долгих годов изучения), вы постепенно доходите до понимания тонкостей языка той эпохи и можете сравнивать его с современным. И можете, в частности, убедиться в том, что какие-то слова произносились заведомо не так, как сейчас.

Но, заметьте, это не такая уж простая задача, даже когда перед вами лежит совершенно читаемый текст, написанный тем же алфавитом, что ныне, допустим, латинским алфавитом для древнеанглийского языка или кириллическим — для древнерусского. Из того, что там написано, еще вовсе не так очевидно, как это читалось. Это тоже целая специальная дисциплина, имеющая, как всякая наука, свои приемы и свой опыт, которые позволяют делать более или менее достоверные выводы о том, что стоит с точки зрения фонетики за такой-то буквенной записью. Повторяю: это требует некоторой специальной тренировки и специального углубления в данную проблему. Но всё же это безусловно доступный для лингвистов материал. Они могут, анализируя письменные тексты прежних эпох, прийти к достаточно правдоподобным или даже вполне надежным выводам о том, как это произносилось. Ну, и тем самым убедиться, что масса слов произносилась не так, как сейчас. И далее уже устанавливать разницу между древним произношением и новым, искать объяснения, каким образом и в каком направлении могли произойти изменения древнего произношения.

Таков, повторяю, логически самый простой способ, и для лингвиста, изучающего соответствующий язык, это счастливая ситуация, когда он есть. Русский язык

находится, к счастью, как раз в таком положении: для русского языка традиция письменных документов за последнюю тысячу лет не прерывалась никогда, и с каждым следующим веком документов накапливалось всё больше и больше. Правда, от первых веков письменности на Руси, а именно XI–XII вв., осталось немного документов, но всё же достаточно, чтобы мы составили некоторое первоначальное представление о том, как что произносилось.

Заметьте, это не закрытый фонд! Иногда бывает, что фонд такого рода пополняется, и как раз для истории русского языка в течение последнего 50-летия такое пополнение произошло. Вы о нем слышали, конечно — это открытие берестяных грамот в Новгороде и других местах. Тексты стали появляться из-под земли, их всё больше и больше — сейчас уже около 1000, и они относятся к древнейшим векам истории русского языка и тем самым расширяют наше представление о том, каков был русский язык XI, XII и т. д. веков. Открытие берестяных грамот продолжается, это такая живая вещь — в ней могут быть и новости.

Итак, это простой способ, но ограниченный только теми немногими языками мира, где есть письменная традиция. Повторяю: для большинства языков это не так — письменной традиции нет. В этом случае вы можете подробно записывать, как что звучит, как строятся фразы и т. д., но только в современном состоянии языка.

Как же быть в тех случаях, когда перед вами язык, где письменной традиции нет, т. е. этот простой источник знаний о прошлом отсутствует? Верно ли, что в этом случае мы ничего не знаем о прежних состояниях языка? Нет, неверно. Современная лингвистика умеет и в этих случаях получать определенную сумму знаний о прежних состояниях языка.

Каким образом это возможно? Есть два основных метода, с помощью которых такие сведения могут быть получены.

Один — это так называемый **метод внутренней реконструкции**. Реконструкция — это восстановление, попытка восстановить прежнее состояние с помощью каких-то логических умозаключений. А слово *внутренняя* означает, что это будет делаться внутри данного языка, без выхода за его пределы.

Проиллюстрирую некоторые возможности такого рода для русского языка.

Представим себе на минуту — хоть это на самом деле не так — что никакой традиции письменного русского языка нет, что нет не только письменности древних веков, но даже и письменности до 1917 года. Есть только то, что мы сейчас слышим в собственной речи и читаем в том, что только что напечатано.

Возьмем существительные женского рода, скажем, *пчела, стена, цена, жена, стрела, весна, десна* и так далее. Вот такой ряд. Что у них общее?

- Окончание *а*.

- Совершенно верно. Еще что-нибудь?

- Два слога.

- Еще!

- *е*.

- *е*, конечно! Совершенно верно. Я вам уже сказал, что возьму слова женского рода, так что окончание *-а* — просто следствие этого. А особенность этих слов состоит в том, что у них всех в корне *е*.

Можно и продолжить этот ряд: допустим, *сестра, метла* и так далее.

Вот нас как раз это *е* и будет интересовать. В произношении совершенно одинаковое *е*, не правда ли? Невозможно на слух определить, что в одном слове *е* какого-то одного типа, а в другом случае — какого-то другого типа.

Однако есть основания подозревать, что сейчас е везде одинаковое, а когда-то было неодинаковое. Почему? А вот вы попробуйте, используя свое задаром у вас имеющееся знание русского языка, для всех этих слов образовать множественное число.

- *пчёлы, стены, цены, жёны, стрелы, вёсны, дёсны...*

- Нетрудно, правда?

- *сёстры, мётлы.*

- Хорошо. Образовали множественное число. И вам не кажется, что что-то неожиданное происходит с вашими е? Что же с ними происходит?

- Они становятся ударными и некоторые, когда становятся ударными, заменяются на ё...

- Совершенно верно. А некоторые не заменяются. Именно так. Вы это для себя произнесли, и стало ясно, что будет то одно, то другое: *пчёлы*, но *стены*; *цены*, но *жёны*; *стрелы*, но *вёсны*, *дёсны*, *сёстры*, *мётлы*. Иногда происходит замена е на ё, а иногда е сохраняется.

Как это может быть с точки зрения истории, если мы уже знаем принцип, что изменение должно быть одинаковым для одной и той же фонемы? Мы видим, что при переходе от этих исходных форм к множественному числу ударение меняется, и под этим новым ударением некоторые е переходят в ё. Некоторые, но не все, то есть происходит нарушение того главного закона, о котором мы говорили раньше: если есть какое-то фонетическое изменение, то оно должно происходить во всех случаях, когда выступает данная фонема. Ну вот, я готов вам предложить подумать: что же тогда, какое может быть предположение о том, что здесь было на самом деле?

Лев Козлов (8 класс): Ну, там, где во множественном числе ё, раньше было «ять».

А. А. Зализняк: Ну вот, тут вы проявляете свою образованность, вы уже знаете про «ять». Это неплохо — я не против образованности, это даже очень

хорошо, но тем не менее сейчас мне хотелось бы услышать рассуждения тех, кто про «ять» не знает, а тем не менее наблюдает за этой ситуацией. Я еще раз хочу сказать, что нисколько не принижаю ценность прямого знания, но и тех, у кого этого знания нет, приглашаю убедиться, что к такому же выводу можно прийти путем собственного размышления.

Главный закон фонетического развития, о котором шла речь, утверждает, что если фонема во что-то изменяется, то она изменяется не в одном слове, не в двух и не в трех словах, и не в половине слов, а во ВСЕХ словах, где она содержится.

В данном случае единственная возможность «уложиться» в этот закон, т. е. избежать его нарушения — это предположить, что у нас здесь не одно *e*, а когда-то было два разных. Понимаете? Никаким другим способом выйти из этой ситуации вы не можете: если предполагать, что здесь всегда было одинаковое *e*, то перед вами вопиющее нарушение главного закона развития языка. Отсюда необходимость предположить, что когда-то было два разных *e*: одно — которое при переходе на него ударения давало *ě*, а другое — которое при переходе на него ударения давало *e*. Обозначим их так: e_1 и e_2 .

Это и есть типовой шаг внутренней реконструкции. В чем достижение нашей реконструкции? В том, что мы видели нечто в современном состоянии совершенно однотипное — все эти слова в современном языке представляют собой однородный ряд, — а пришли к представлению, что когда-то раньше это был неоднородный ряд. Это был ряд, в котором в некоторых случаях была гласная *e* первого типа, а в других случаях гласная *e* второго типа.

Сразу отмечу, и это существенно: я ведь ничего не сказал о том, что одно *e*, допустим, какое-нибудь долгое, а другое краткое, или одно более широкое, а другое

узкое, одно *e* с одной фонетической особенностью, другое — с другой фонетической особенностью. Это нам неизвестно. Единственное, что известно — это, так сказать, чистая алгебра — что эти e_1 и e_2 были не равны между собой. Это важнейшее положение лингвистической реконструкции. А в чем реально они фонетически различались, из этого метода никаким образом не вытекает. Об этом можно строить отдельные гипотезы, но они будут лежать в совершенно другой области. Главный вывод из нашего рассуждения: то, что здесь ныне одинаково, когда-то было различным.

Ну, в данном случае я построил искусственный пример, потребовав от вас, чтобы вы забыли о существовании русской письменности до 1917 года. Потому что, если вы это вспомните, то всё то, к чему мы пришли, будет просто лежать на поверхности. В традиционной графике нашему e_1 соответствует буква *e*, а нашему e_2 соответствует буква *ять* — только и всего.

Так что ответ действительно заключается в *яте*, это совершенно правильно. И тут я готов апеллировать к вашей образованности: какое из них *e*, а какое *ять*? То, которое дает во множественном числе *e*, или то, которое дает *ё*? Какое из них в современном языке дает *e*?

- *Ять*.

- Верно, *ять* дает *e*. Так что, если угодно, более «*e*-образно», т.е. более постоянно связано со звучанием *e* как раз *ять*. Тогда как древнее *e* под ударением звучит уже не как *e*, а как *ё*.

У лингвистов имеются и некоторые высоковероятные гипотезы о том, как фонетически различались древние *e* и *ять*, но я не хочу сейчас об этом говорить, потому что это не вытекает из рассматриваемого нами метода.

Напишу вам еще один ряд слов — и на этот раз даже не буду вас особенно приглашать забывать русскую

письменность до 1917 года. Можете вспоминать — всё равно это вам не поможет.

Запишу, скажем, такие слова: *лоб, боб, моток, поток, песок, исток, листок*. Можно и продолжить, но хватит и этого. Что общего у этих слов?

- *о*.

- Ну вот, вы быстро научаетесь. То было ради *е*, это — ради *о*. Давайте займемся исследованием этого *о*. Опять-таки нет никаких сомнений, что сейчас это совершенно одинаковое *о*, что вы одинаково произносите *лоб* и *боб*, *песок* и *моток* и проч. И теперь я вам задам уже такой вопрос: а нет ли у вас каких-то подозрений относительно чего-то, что сейчас одинаково, а когда-то было неодинаковым? Подумайте.

- В родительном падеже где-то *о* останется, а где-то нет ...

- Верно. Действительно, поупражняйтесь: поставьте всё в родительный падеж и посмотрите, что получится.

- *лба, боба, мотка, потока, песка, истока, листка*.

- Совершенно правильно, вы очень быстро это замечаете. Оказывается, что слова эти распадаются на две группы — примерно так же, как в предыдущем примере. Здесь другой немножко эффект, но для нас важно, есть разница или нет. Она есть. У нас две группы слов: в одной *о* сохраняется, в другой выпадает. Вас учили, наверное, что это называется беглое *о*, верно?

- Да.

- Так что сама ситуация вам знакома. Но когда говорится «беглое *о*», то имеется в виду, что это тоже *о*. Понимаете? Но в таком случае мы снова находимся перед лицом нарушения основной закономерности. Оказывается, что после перевода слова в родительный падеж и добавления окончания *-а* родительного падежа, у вас иногда *о* остается, а иногда исчезает. Но согласно основной закономерности, если первоначально в этих словах была одна и та же фонема *о*, то с ней должны

были происходить одинаковые изменения во всех словах. А здесь получается, что не во всех: в половине они происходят, а в другой половине не происходят.

Следовательно, методом внутренней реконструкции мы получаем тот же вывод, что и в первом примере: в древности было не одно *o*, а два разных — o_1 и o_2 . Опять-таки, чем они отличались, мы несколько пока еще судить не можем, мы достигли только важного вывода о том, что было два разных *o*, то есть в древности здесь были разные фонемы. И тут, повторяю, дореволюционная орфография вам не поможет: она предусматривает точно такое же одинаковое *o*.

Помогла бы вам орфография XI века. Если бы вы спустились так глубоко в историю русского языка, что взяли бы эти слова из памятников X века, то оказалось бы, что там они записаны по-разному. Причем разные написания в точности соответствовали бы различию между o_1 и o_2 . Но вот хватит ли вашей образованности, чтобы сказать, что там было? В первом примере был *ять*, а тут что?

- Мне кажется, что там где *o* беглое, там была *омега*.

- Это изящная гипотеза, но в данном случае она неверна. Какие еще есть предположения?

Е. Б. Феклистова (учитель русского языка): Ер!

А. А. Зализняк: Ну, зачем же вы не даете сказать детям?

Тогда я эти слова возьму и перепишу в орфографии XI века. Во-первых, там будет *ер* на конце — это я подпишу механически — то, что мы сейчас называем твердый знак. Но, кроме того, кое что изменится и в корне.

Давайте условимся: если *o* остается, то это будет o_1 , а если падает, то o_2 . Вы мне сперва продиктуйте слова с o_2 , а я их подчеркну.

- *Лоб, песок, моток, листок...*

А вот наш ряд слов в записи XI века:

лъбъ, бобъ, мотъкъ, потокъ, пѣськъ, истокъ, листъкъ.

Как видите, нашему o_1 здесь соответствует буква *о*, а нашему o_2 — буква *ь*.

В данном случае мы имеем возможность действовать двумя методами одновременно, т. е. сперва построить гипотезу методом внутренней реконструкции, а потом еще ее сверить с тем, что дает изучение древних рукописей. И оказывается, что они между собой прекрасно согласуются — действительно это были две разные фонемы: одна была фонема *о*, а другая была фонема, которую вы сейчас и произнести не можете. Как вы произнесете твердый знак? В современном русском языке считается, что это не что-то произносимое, а всего лишь условный знак для чтения соседних букв. Но в древности это было не так. Это была гласная буква, обозначавшая определенный звук. Сейчас мы не очень точно умеем его воспроизводить; по-видимому, он сохранился в некоторых других славянских языках. Можно предполагать, что он произносился как нечто типа [э]. Так или иначе, он произносился не как *о*, и эти фонемы прекрасно различались — так же, как мы сейчас различаем *о* и *а*, *о* и *у*.

Проверкой нам в данном случае послужило обращение к памятникам XI века. А сама техника внутренней реконструкции не требовала никакого обращения ни к чему, кроме современного русского материала, а именно, кроме констатации того, что в современном русском языке некоторые *о* всегда сохраняются, а некоторые другие *о* в определенных условиях выпадают.

Вот вам иллюстрация метода внутренней реконструкции. Как вы понимаете, это прекрасно возможно для языков, у которых никакой письменной

традиции нет. Тем самым возможности этого метода гораздо шире, чем у простого обращения к памятникам.

– Скажите, пожалуйста, а они произносили на месте этого твердого знака букву *o*?

– Гласную. Они произносили гласную, но не *o*, а некоторую другую, которой сейчас в русском языке нет как таковой. Сейчас ее можно попробовать гипотетически воспроизвести, но это уже другой разговор. Важно то, что это была гласная, она давала лишний слог. Число гласных фонем было больше, чем в современном русском языке. В современном языке их только пять, а тогда было больше.

Теперь рассмотрим второй и самый мощный метод восстановления древней истории языков — **сравнительно-исторический метод**. В отличие от внутренней реконструкции, здесь фигурирует слово «сравнительный», потому что привлекаются к сравнению два или более языка. И выводы о более древнем состоянии делаются уже на основании сопоставления данных этих двух или большего числа языков. Для этого, конечно, языки должны быть родственны между собой.

Что такое родственные языки? Это языки, которые исторически развились из когда-то существовавшего единого предка. Когда-то — это может быть очень давно, но может быть и не слишком давно. Затем происходит некоторое самостоятельное развитие его наследников: на одной части территории появляются одни новые особенности, на другой — другие; и вот на месте одного древнего — уже два языка. Это основная простейшая схема, так называемая схема родословного древа. Она немного упрощает реальные события, взятые в полном масштабе, но, грубо говоря, она верна. Скажем, для русского, украинского и белорусского языков такой единый язык восстанавливается на исторически небольшом отрезке — порядка 1000 лет.

Это для истории совсем маленький отрезок. Если, скажем, искать единый предок для русского и английского языков, то получится уже не 1000 лет, а порядка 7000. И так далее. Но так или иначе, это родственные языки, хотя и с разными степенями родства. Между русским и украинским, русским и белорусским очень близкое родство, между русским и английским родство уже достаточно отдаленное. Но оно имеется.

Итак, для сравнения привлекаются только родственные языки, и в них находятся соответствующие друг другу слова. Как правило, они выглядят не совсем одинаково.

Рассмотрим некоторые русские слова на фоне родственных славянских. Возьмем, скажем, болгарский, сербский, словенский и польский. Это не все славянские языки, но пока достаточно. И давайте посмотрим, как выглядели кое-какие слова, сравнение которых позволяет продемонстрировать, как работает сравнительно-исторический метод.

Возьмем русское слово *сон*. По-польски это будет *sen*, по-сербски *сан*. По-словенски это будет нечто с гласной, которая характерна для словенского языка и для которой в транскрипции используют знак *ə*: *səp*. В болгарском будет гласная, характерная именно для этого языка, записываемая буквой *ъ*: *сън*. Как видите, все пять языков дают разный эффект, то есть у нас нет оснований считать, что именно русское слово *сон* является прямым наследием древнего произношения.

Для сравнения, однако, совершенно недостаточно выписать одну подобную строчку. Одна такая строчка не гарантирована от случайностей разного рода, от того, что по каким-то индивидуальным, более тонким причинам у вас регулярность не будет соблюдаться. Поэтому, когда лингвисты пользуются данным методом, они настойчиво ищут как можно большее число строк,

устроенных таким же образом. Поэтому я тоже — хотя как можно больше я писать не буду, на это никакой доски не хватит — несколько строк еще напишу.

Ну, например, слово *рожь*. Оказывается, *рожь* по-польски будет *reż*, по-сербски *раж*, по-словенски *rəž* и по-болгарски *ръж*. Это вам уже больше нравится?

Возьмем еще какое-нибудь слово, скажем, *вошь*. По-польски это будет *wesz*, по-сербски *ваш*, по-болгарски *въш* (по-словенски — прочеркну).

Могу еще взять, допустим, слово *песок*. По-польски это будет *piasek*, по-сербски есть несколько диалектных вариантов, я напишу самый простой — *песак*, по-словенски это *pesək* и по-болгарски *пясък*.

Итак, мы получили:

Русский	Болгарский	Сербский	Словенский	Польский
<i>сон</i>	<i>сън</i>	<i>сан</i>	<i>sən</i>	<i>sen</i>
<i>рожь</i>	<i>ръж</i>	<i>раж</i>	<i>rəž</i>	<i>reż</i>
<i>вошь</i>	<i>въш</i>	<i>ваш</i>	—	<i>wesz</i>
<i>песок</i>	<i>пясък</i>	<i>песак</i>	<i>pesək</i>	<i>piasek</i>

- Ну и, наверное, хватит. Регулярность есть?

- Да.

- Эту таблицу вполне можно продолжить. Таких рядов для близко родственных языков можно насчитать много десятков. Может быть, даже сотен. Я написал вам всего четыре примера, но уже ясно, что это не случайное соответствие: постоянно повторяется набор одних и тех же различий. Получается, что все эти языки между собой различны, совпадений почти нет, но различны они одним и тем же способом, с той же самой регулярностью.

Каким образом можно себе представить, что было в том языке, который является предком всех наших пяти языков? Ясно, что там не было пяти вариантов, там был

какой-то один, верно? Если был единый язык, то там был единый способ называть каждый из этих предметов.

Вот это и есть задача для сравнительной реконструкции. Что здесь может быть восстановлено?

Если бы я выписал примеры для слов *поток* или *боб* — во всех пяти языках было бы *o*. В отличие от вот этой разнообразной картины, где представлено пять разных эффектов. Первый главнейший вывод из этого тот же, что мы сделали на основании внутренней реконструкции: то, что дает сейчас одно и то же *o* во всех сравниваемых языках, и то, что дает вот такое разнообразие, — это были две разных древних единицы — условно o_1 и o_2 . То есть это такой же по сути дела вывод, которого мы достигли на материале одного русского языка.

Но в данном случае мы еще можем примерно понять, что это было фонетически. Мы видим, что разброс в данном случае необыкновенный: по-русски это *o*, по-сербски — *a*, по-польски — *э*, а в двух других языках это какая-то особая фонема, которой в русском языке нет вообще. (Болгарское [ъ] и словенское [ə] фонетически очень близки.)

Что же должен предполагать лингвист, применяющий сравнительно-исторический метод? Он должен предположить, что в древнем языке, предке всех славянских языков, который принято называть праславянским, было две разных фонемы. Одна из них была фонема *o*, которая дает *o* во всех пяти языках. Что же касается второй фонемы, которая ведет себя так разнообразно, то тут могут быть разные гипотезы. Но в любом случае необходимо признать следующее.

Понятно, что *o* здесь исключается, потому что оно уже «занято» первой фонемой. Допустим, вы можете сказать, что это *a*. Как в сербском. Однако бывает «настоящее» *a*, бывают слова с таким *a*, которые дают *a*

во всех пяти языках. Точно так же будут слова, которые во всех пяти языках дают э.

Тем самым предположить, что это было просто *o*, или просто *a*, или просто *э*, невозможно. Мы обязаны предложить какую-то гласную, которая не является ни *o*, как в русском, ни *a*, как в сербском, ни *э*, как в польском. Возможно, однако, что это была такая же гласная, как в тех двух языках, которые дают особую, четвертую гласную, не совпадающую ни с *o*, ни с *э*, ни с *a*.

Так что, конечно, самое вероятное решение — то, что два языка, болгарский и словенский, сохранили эту особую гласную, которая своим особым произношением больше всего похожа на нашу реконструируемую систему, где обязательно должно быть что-то, не совпадающее ни с *o*, ни с *a*, ни с *э*.

Тем самым это сравнение дает нам два вывода. Один вывод, безусловный, — о том, что были две разные единицы: o_1 и o_2 , и второй, предположительный (но с высокой степенью вероятности), о том, что o_1 — это в древнем языке было просто *o*, а o_2 — это звук типа болгарского *ь* или словенского *ə*.

Согласны? Вот перед вами иллюстрация того, каким способом мы можем погружаться в глубь истории, приобретать знания о том, как выглядел язык — наш или любой другой — даже в том случае, когда у нас нет никаких литературных памятников, а есть только нынешние данные.

Вот, собственно, то, что на этот раз мне удалось вам рассказать подробнее, чем в первой лекции.

Пойдемте дальше. В ходе истории фонетические изменения в самых разных языках мира часто обнаруживают один и тот же тип тенденций. И самая частая из этих тенденций — сокращение длины слова. Причем почти всегда сокращение начинается с конечной

части слова, она оказывается самой уязвимой с этой точки зрения.

В частности, если в языке в некоторый период времени существуют слова с конечными согласными — а таких языков большинство — то есть много шансов, что не пройдет одной-двух тысяч лет, как эти конечные согласные начнут теряться. На протяжении достаточно больших промежутков времени потеря конечных согласных — событие высоковероятное. Скажем, в истории индоевропейских языков практически во всех языковых группах происходили потери конечных согласных — в одних случаях массовые, иногда даже такие, при которых просто 100% конечных согласных отпало. В других случаях эти потери были не такими радикальными, что-то отпало, что-то не отпало. К таким умеренным языкам можно отнести древнегреческий: в нем, например, конечное *t* или *d* отпадало, но конечное *r* или *s* оставалось.

К языкам предельно решительным в этом отношении следует отнести русский. Русский язык потерял все конечные индоевропейские согласные без исключения. Значит, в отношении любой индоевропейской реконструкции вы можете быть уверены, что если слово оканчивается на согласную, то в русском языке этой согласной уже не будет. Русский я здесь беру просто как частный случай, потому что это особенность славянских языков в целом. Тут отпадало и *t*, и *d*, и *s* и всё остальное.

Дальше представим себе, что в языке имеется какое-то количество слов, оканчивающихся на гласную, — а есть языки, в которых каждое слово оканчивается на гласную. Таким, как вы легко понимаете, был праславянский язык после отпадения всех конечных согласных. Верно? Это действительно очень характерный тип фонетического строя языка, когда все слова оканчиваются на гласную, и, как правило, это

следствие не чего-нибудь, а массового отпадения конечных согласных.

Но гласные тоже начинают отпадать. Так что практически история языков устроена таким образом, что примерно за 2–3 тысячи лет конечные фонемы исчезают. Правда, гласные, как правило, отпадают не все: отпадение всех без исключения гласных наблюдается довольно редко. Гласные отпадают избирательно. Самая устойчивая к отпадению гласная — это *a*. Она может сохраняться даже в тех случаях, когда все остальные гласные падают. Самые неустойчивые против отпадения — гласные *i* и *u*.

В славянских языках, в частности в русском, мы наблюдаем картину именно этого типа: слова, которые в индоевропейском языке кончались на *a* (это слова женского рода, например, слово *жена*), не сильно отличаются от праиндоевропейского *gwenā*. Конечное — *a* здесь осталось до сих пор. Не так в словах мужского рода, скажем, *стол*, *хлеб* и так далее — ну, *хлеб* слово заимствованное, так что не будем его рассматривать — а вот *стол*, конечно, древнее слово, и оно имело вид *stolos*. Сперва в нем исчезла конечная согласная, а затем гласная тоже. В результате сейчас слова мужского рода, которые имели не *a*, а другую гласную, оканчиваются просто на согласную. Наши 1-е и 2-е склонения с точки зрения истории различаются (в именительном падеже) тем, какая гласная оказалась в конечной позиции. Гласная *a* выдерживала, остальные не выдерживали.

Подобная картина наблюдалась в самых разных языках мира. Но это явление всё же не обязательное, а лишь статистически вероятное. В разных индоевропейских языках оно наблюдается везде, но с разной интенсивностью. Например, в праиндоевропейском языке слово *wlkwos* означало волка (я несколько упрощенно пишу). Окончание мужского рода было *-os*, в отличие от женского рода, где было *-a*.

И это окончание —*os* первоначально было во всех индоевропейских языках, а сейчас оно остается в неизменном виде только в одном — в новогреческом (с измененной гласной — в виде *-as* — оно сохранилось также в литовском). В древних языках оно прекрасно засвидетельствовано. Например, санскрит его сохраняет относительно хорошо, но это первое тысячелетие до нашей эры, не наша эпоха. В нашу эпоху ни один язык на территории Индии этого уже не сохранил. Все нынешние наследники древнеиндийских языков имеют только остаток, соответствующий начальной части слова и ничего от *-os*.

Из других языков, которые что-то от этого окончания сохранили, назовем латынь. Так, в латинском *lupus* «волк» окончание *-us* еще мало отличается от первоначального *-os*. Но опять-таки, латынь — это 2000 лет назад; ни один современный наследник латыни уже этого окончания не сохраняет. Но есть некоторые вариации: скажем, итальянский еще не потерял гласную — по-итальянски «волк» будет *lupo* — *s* уже нет, но *o* еще есть. Румынский язык дает уже просто *lup*. А французский, который вам знаком, сумел еще отсечь и *p*: здесь это [lu] (а в орфографической записи *loup* конечное *p* есть просто традиционное написание).

Таким образом, наблюдается совершенно четкая картина такой эволюции в разных языках: первоначально было два элемента, затем в части языков один пропал, остался лишь один; дальше пропали оба; дальше сверх того, может пропасть еще и следующий, т.е. происходит в высшей степени последовательное обрубание конца.

Филипп Хаустов (8 класс): А те слова в русском языке, которые сейчас оканчиваются на *ос*, например, *КОЛОС*, у них в окончании было еще одно *ос*?

А. А. Зализняк: Конечно. Это было *колсос*. А *ос* в слове *КОЛОС* — это часть корня, а не окончание. Возьмите

слова *волос*, *колос*; при склонении это *ос* ведь не будет исчезать, а будет *колос*, *колоса*, *колосу*, потому что это не окончание.

Пожалуй, для красоты я вам продемонстрирую яркий пример такого рода. Давайте я вам напишу некоторую индоевропейскую реконструкцию.

Примерно 7 тысяч лет назад существовало слово, которое чуть-чуть условно я запишу вот так: **gwiHwotoH*. Вот такое длинное слово со значением «жизнь». А дальше я, если только хватит доски, попробую проследить, что с этим словом случилось в одной из ветвей, которая ведет от праиндоевропейского языка к одному из современных. Этим современным пусть будет у нас французский. Как будет *жизнь* по-французски?

- *Vie*.

- Так вот, слово *vie* — прямой наследник этого древнейшего слова. Прямой, буквальный, с совершенно регулярными изменениями каждого звена без всяких нарушений, вполне строгий.

Теперь давайте посмотрим, что с этим древним словом происходит. Вот здесь такой символ *H*; как точно это произносилось, лингвисты не знают, но, очевидно, это было что-то типа [x]. В истории языков часто наблюдается такое явление, что если имеется звук типа *x* или другой звук, близкий к нему по месту образования, то сам этот звук исчезает, а предыдущая гласная удлиняется. Например, вместо *ah* получается *aa*. Это типовое изменение, и оно, в частности, представлено здесь, а именно, *iH* дает *ī* долгое, *oH* дает (с изменением качества гласной) *ā* долгое: **gwiwotā*.

Я везде ставлю звездочку, где форма не засвидетельствована письменными памятниками.

Следующий шаг: *gw* упрощается, и получается вот такая форма: **wiwotā*.

Попутно скажу, что если на этом уровне пойти не по линии, которая ведет к французскому, а по той, которая

ведет к русскому языку, то вы получаете, как вы думаете, что?

- *Живот*.

- *Живот*, конечно. В древнерусском это слово как раз значило «жизнь». Но только это должно быть не *живот* мужского рода, а такая *живота*, то есть «живость». *Живот* мужского рода есть вариант к тому, что первоначально должно было быть женского рода, — так же, как бывает *нагота*, или *долгота*, или *доброта*, была вот такая *живота*. Как видите, русский язык очень архаичен — русское слово похоже на то, что возникло уже на втором шагу изменений древнейшего слова. А для французского языка нужно шагов пятнадцать.

Следующим будет тот шаг, что вместо *w* английского типа появляется *v* французского типа: **vivotā*. Это мы находимся на уровне еще не латыни, а за много веков до первых памятников латыни. Ну, что-нибудь порядка XX века до н. э.

Дальше произойдет изменение безударного *o* и получится **vivotā*.

Следующий шаг: это *o* ослабляется до *i*: **vivitā*. Дальше — потеря *v* между гласными, т.е. получается **vitā*. Те, кто образован в латыни, уже могут кое-что опознать, верно?

- Латинское *vita*.

- Совершенно верно. Но здесь я всё еще должен оставить это слово под звездочкой.

И, наконец, первый шаг не под звездочкой — это латынь, слово с *a* кратким на конце: *vita*, т. е. именно то, что засвидетельствовано в латыни.

Дальше начинается жизнь языков-наследников латыни. Раннероманская форма — это еще так называемая вульгарная латынь. Это то же самое, только уже нет долготы *i* в корне: просто *vita*.

Дальше западнороманское слово, т. е. распространенное в западной части Римского мира, где

сформировались потом французский, испанский, португальский языки: *vida*.

Следующий шаг — галльско-романский язык, распространенный на территории будущей Франции: *vide*.

Следующий шаг — *d* ослабляется до звука *đ* (равного английскому звонкому *th*): *vide*. Это уже первое тысячелетие нашей эры — что-нибудь порядка VI века.

Дальше идет старофранцузский — он теряет этот звук вообще, и получается *vie* (в произношении два слога: [vi-e]).

И тут уже остается всего один ход. Сколько там всего ходов — посчитайте.

И вот вам французское *vie*, которое читается как сейчас: [vi].

Так что, как видите, здесь путь совершенно строго состоит из событий, каждое из которых было не единичным, — не только в этом слове, но и во всех словах, имеющих соответствующие фонемы, было всё ровно то же самое.

*gwiHwotoH *gwīwotā *wīwotā *vīvotā *vīvutā *vīvitā *vītā vīta (классическая латынь) *vita* (вульгарная латынь) *vida* (западнороманское) *vide* (галльско-романское) **vide vie* [vie] (старофранцузское) [vi] (современное французское)

Так что русское *живот*, точнее *живота*, является точным соответствием французского *vie*. Только заметьте, что в русском слове *живот* французскому *v* соответствует не *в*, а *ж*.

Г. П. Морозова (учитель физики): Можно вопрос?

А. А. Зализняк: Да.

Г. П. Морозова: А чем подтверждены изменения, которые произошли до латыни?

А. А. Зализняк: Чем подтверждены? Да всё теми же методами, о которых я рассказывал очень кратко. Каждый из всех выписанных здесь фонетических

переходов представляет собой результат подобного рода умозаключений. Главное здесь то, что каждый из них предложен лингвистами вовсе не на основании (или для объяснения) именно этого конкретного слова, а на основе анализа ВСЕХ слов, где имелось такое же сочетание фонем. А таких слов для каждого шага оказывается необходимым учесть достаточно много, часто много десятков.

Именно этим гарантируется то, что выписанные формулы перехода не являются простой выдумкой, удобной для объяснения данного конкретного слова. Ведь если формула всего лишь случайно удобна для данного слова, а в действительности неверна, то есть реальной истории фонетических изменений не соответствует, то она не даст правильного результата во всех остальных словах, имевших рассматриваемое сочетание фонем. Соответственно, при анализе всей совокупности этих слов лингвист должен будет ее отвергнуть.

Таков здесь ответ в самом общем виде.

Г. П. Морозова: А где тут начинается письменность?

А. А. Зализняк: Граница письменного и неписьменного языка обозначена звездочкой. Звездочкой показаны неписьменные реконструированные состояния. Первый раз я не ставлю звездочку здесь [*указывает на латинское *vīta**], потому что только начиная с этого уровня я могу написать, что это памятники латыни. До этого тут ни одного памятника, естественно, нет. Письменное состояние начинается примерно с III века до н. э. Строго говоря, латинские памятники начинаются с VI века до н. э., но это слово там не встречается, там совсем немного надписей: на браслетах и других предметах. Так что реально латинскую письменность можно учитывать с III века до н. э. Всё предыдущее — вплоть до состояния,

бывшего 7 тысяч лет назад — это, естественно, есть результат умственной деятельности лингвистов. Как всякая умственная деятельность, она может приводить и к ошибкам, но существенно то, что это не субъективные догадки, а результат применения достаточно строгих принципов.

Как я вижу, я перетратил время, поэтому я не буду вас развлекать другими примерами, а изложу только одну общую идею, весьма существенную для понимания того, как устроена эволюция языков в большом масштабе.

Я вам подробно рассказал, как неумолимо уменьшается длина слова: сперва отпадают согласные, потом гласные, потом у какого-нибудь *loup* отпадает еще и последняя согласная корня. Казалось бы, за те 70 с лишним тысяч лет, которые существует язык, все языки должны были свестись к тому, что всё укорачивается до одного звука. Но ничего подобного. Длина фразы с одним и тем же смыслом в самых разных языках мира очень мало колеблется. Вот в финском языке очень длинные слова, а в каком-нибудь другом языке, китайском, например, — очень короткие слова. Вроде бы должна быть огромная разница. На самом деле эта разница будет только если искусственно вычленить отдельное слово. Но надо мерить не слово, а то, сколько времени занимает выражение некоторой мысли, верно? Потому что очень может быть, что слова короткие, а их для выражения мысли требуется в три раза больше. И при таком измерении у вас получается в разных языках примерно одно и то же.

Это видно, если вы сравните какой-то текст на латыни с его переводом, например, на французский. В латыни есть падежи, сложные глагольные формы и так далее. Во французском падежей нет, и, казалось бы, все французские слова гораздо короче. Вы видели: там вместо *lupus* — *loup*. Такое ощущение, что французская

фраза должна быть гораздо короче, чем латинский перевод. Но в действительности она будет примерно такой же длины. И это будет так же верно для всех других случаев в истории языка.

Да, слова, как таковые, укорачиваются, и это неумолимый процесс во всех языках. Но по мере того, как длина слов уменьшается, какие-то другие элементы языка оказываются компенсирующими, а именно, появляется необходимость вставлять во фразы дополнительные слова. Для французского, например, для выражения родительного падежа потребуются предлог *de* — а в латыни не надо было никакого *de*. А во французском вам придется сказать: *la ville de Paris; la maison de mon père*. То же самое и в английском языке, там есть *of*, которое не требовалось в древнеанглийском, потому что в древнеанглийском был родительный падеж. И дательный падеж там был, так что и *to* тоже не требовалось.

Дальше происходит то, что все эти падежи теряются. Но надо же как-то выражать те же самые отношения. И вот появляется предлог. А предлог плюс короткое слово — это то же самое по длине, что прежнее длинное слово.

Вот у меня здесь под рукой есть книжечка, где приведена одна и та же фраза Священного Писания на всех тех языках мира, на которые миссионеры успели его перевести. И хорошо видно, что длина этой фразы чрезвычайно мало меняется. На русском языке ее запись составляет 98 букв, на французском — 111, на латыни — 120. И так далее. В каких-то совершенно экзотических языках, например, в новозеландском языке маори -- 108. Длина колеблется незначительно, в пределах 25% — это совершенно несущественно. И можно предполагать, что 10 тысяч лет назад и 20 тысяч лет назад фразы были примерно такой же длины. Всё это время происходили гигантские процессы по усечению слов, но они всегда

компенсировались. Этот механизм предусматривает, с одной стороны, усечение длины слов, а с другой стороны, таким же неумолимым образом предусматривает появление новых элементов в масштабах речи как таковой.

Ну, и, пожалуй, я не буду вдаваться в подробности этого процесса, поскольку я немножко превысил время. Давайте на этом остановимся.

(Аплодисменты).

И. Б. Иткин: Уважаемые господа, какие будут вопросы?

Елизавета Щеголькова (8 класс): Вот, допустим, есть племя в Тихом океане. Они никого не знают, их никто не знает, и вот в этом племени есть письменность. И через какое-то время они все вымерли по какой-то причине. А потом туда пришли другие люди и обнаружили их тексты, только тексты, которые уже никто не умеет читать. Можно из этого что-то извлечь и о них узнать?

А. А. Зализняк: Вы придумали проблему, которая кажется самой невероятной и фантастической, а на самом деле она неоднократно вставала перед лингвистами. В таком состоянии до сих пор существуют в мире некоторые записи. Некоторые подобные тексты расшифрованы. Это счастливая часть. А некоторые не расшифрованы до сих пор. Причем немыслимое количество мозгов затрачено на то, чтобы это сделать, но пока что некоторые остаются нерасшифрованными.

Я рекомендую вам книжку Иоганнеса Фридриха «Дешифровка забытых письменностей и языков», в которой приведены изумительные примеры такого рода, и они очень хорошо изложены, и перевод хороший. Парочку примеров я расскажу, потому что это очень интересно.

Ровно в таком состоянии были письма, которые нашли в большом количестве при археологических

раскопках на Крите и в материковой Греции в начале и середине XX века. Они были на глиняных таблетках, пластиночках из обожженной глины, иногда на других материалах. В распоряжении ученых оказалось много сотен таких текстов. Это была явно одна и та же письменность, один и тот же набор знаков, порядка 100 разных знаков. И решительно никаких сведений о том, что бы это могло быть. Предельно трудный случай для расшифровки: тексты на неизвестном языке, записанные неизвестным типом письма; и при этом нет билингв (то есть параллельных записей на двух языках). Это так называемое критское линейное (или линейное) письмо В. В — потому что было и другое письмо, письмо А, но именно письмо В имеет славную историю.

Расшифровка этого письма — замечательный факт в истории лингвистики, не менее славный, чем расшифровка египетской письменности Шампольоном или древнеперсидской Роулинсоном. Основная роль в этом открытии принадлежит английскому архитектору Майклу Вентрису; второй участник — профессор греческой филологии Джон Чедвик. Вентрис составил всеобъемлющую таблицу, приводящую в систему все наблюдаемые последовательности знаков линейного письма В. При этом он убедился, что есть много разных слов, у которых начальные знаки повторяются, но встречаются разные концы. Понимаете, что это был намек на то, что слова склоняются или спрягаются, т. е. основа их постоянна, а меняются окончания. И если какие-то слова имеют одинаковый набор окончаний, значит, они относятся к одному грамматическому классу. Так постепенно удалось установить на чисто «алгебраическом» уровне основные грамматические закономерности текстов, еще не пытаюсь разгадать ни единого слова и не зная, что это за язык.

Многие исследователи пытались подставить в эти тексты слова самых разных древних языков,

распространенных вокруг острова Крит: египетского, этрусского, языков Палестины, языков Малой Азии. Но всё проваливалось, никакие из этих попыток не были успешны. Что касается греческого языка, то к нему никто не обращался, потому что у археологов господствовала всеобщая полная уверенность, что речь идет о языке культуры, несравненно более древней, чем греческая. Сам Вентрис считал, что тексты написаны на каком-то языке, родственном этрусскому.

Опираясь на статистические закономерности распределения знаков, Вентрис смог установить вероятные фонетические значения нескольких знаков. С их помощью ему удалось выявить в тексте названия некоторых критских городов. И оказалось, что эти названия имеют грамматическое оформление, похожее на греческое. И вот Вентрис, несмотря на всеобщее убеждение, что древнейшее население Крита было не греческим, и на свое собственное мнение, что таблички написаны на языке, близком к этрусскому, решил всё же проверить, что получится, если попытаться подставить в текст греческие слова. И к его изумлению, один за другим стали открываться элементы текста на древнейшем диалекте греческого языка.

Окончательной победой расшифровки можно считать тот день в мае 1953 года, когда Вентрис получил письмо от своего коллеги археолога Блегена, который вел раскопки в Пилосе на Пелопоннесе, с текстом только что найденной новой таблички. Это был некий список, где в конце каждой строки стояло изображение треножника и цифра (написание цифр уже было известно). В строке с цифрой 1 Блеген, используя расшифровку Вентриса, прочел *ti-ri-po*, в строке с цифрой 2 — *ti-ri-po-de*. Это прямые соответствия архаического греческого *tripos* «треножник» (в единственном числе) и *tripode* (то же в двойственном

числе). Несомненную греческую интерпретацию получил и ряд других слов текста.

Сейчас критское линейное письмо В уже расшифровано полностью. Вот вам замечательная счастливая история.

Но есть и истории, напротив, несчастные. Самая главная из них — это история Фестского диска, о которой вы, наверное, слышали. Фестский диск найден тоже, кстати, на Крите, в городе Фест, и нынешние путешественники, которые ездят на Крит купаться в море, могут зайти в знаменитый музей, где выставлен Фестский диск. Это обожженный глиняный диск, размером немного побольше ладони, необычайно красивый, аккуратно исписанный с двух сторон по спирали знаками иероглифического вида. Среди них есть головы, изображения людей, животных, растений, оружия. Но это не рисунки, а настоящее письмо; более того, каждый знак не процарапан, а выдавлен в глине штемпелем — т. е. принцип тот же, что у Гутенберга.

Для Фестского диска существует множество попыток расшифровки. Прочтения предлагались самые разные — от списка городов или кораблей до гимна богам и даже до разнузданного гимна весьма современного, почти неприличного содержания. Но тут, к сожалению, применим очень простой принцип: если некто предлагает полную расшифровку Фестского диска, то ее можно даже не читать. Надежными здесь можно считать только успехи в установлении слогового характера знаков, в изучении закономерностей их распределения и т. п., но не более того.

Так что ситуация, которую вы обрисовали, является — не скажу массовой, — но во всяком случае, многократно повторявшейся в истории изучения языков. Это безумно интересный и такой волнующий раздел лингвистики — расшифровка самой письменности как таковой. Хотите положить на это жизнь — тогда можно

чего-то достичь, но просто так сесть и расшифровать к вечеру такую вещь, как многие надеются, — это никому не удавалось.

Лиза Щеголькова: Спасибо.

Филипп Хаустов: После того, как все падежи, склонения-спряжения отпали, окончания «съедены», откуда берутся новые частицы, типа *de, of*? Какого они происхождения?

А. А. Зализняк: Они берутся из того, что уже было в языке, но использовалось редко. Допустим, в русском языке пропали окончания родительного падежа — чем бы вы их заменили? Например, «дом приятеля», как бы вы сказали, если нет родительного падежа?

Филипп Хаустов: Я имел посещать мой друг вчера.

А. А. Зализняк: Да, но это не родительный падеж. А для родительного падежа какой-нибудь предлог пришлось бы использовать. Какой? Из имеющихся. Ему надо было бы придать немножко более общее значение.

Филипп Хаустов: «У», например...

А. А. Зализняк: «У», может быть. Вот ровно в таком положении оказался болгарский язык, единственный славянский язык, который потерял падежи. В болгарском языке нет окончаний падежей. Что же в этой ситуации пришлось сделать? Пришлось заменить их предлогами, поэтому по-болгарски это будет «дом на мой друг». Конечно, предлог «на» изначально не имел этого значения, оно несколько сдвигается в сторону по сравнению с тем, что было.

И. Б. Иткин: Еще вопросы?

– Меня интересует, насколько правильны выводы по поводу произношения слов, в отношении которых применяется реконструкция. Насколько я понимаю, мы имеем дело с безакцентным произношением только во французском, а всё остальное — с натяжкой.

А. А. Зализняк: Можете называть это натяжкой, если у вас заранее имеется некоторый скепсис. Мы

можем говорить о некоторой доле вероятности — это совершенно верно. Звездочкой здесь показано, что это не засвидетельствовано. Для остальных слов орфографическая запись засвидетельствована, а то, что я написал в скобках — это гипотезы лингвистов (в отличие от последнего слова, которое фиксируется, потому что слышится сейчас). Это гипотезы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– В первоисточниках нет записи в транскрипции?

А. А. Зализняк: Нет, само понятие транскрипции — это позднее научное понятие. В древних текстах никакой записи в транскрипции не было.

– А как звучал санскрит?

А. А. Зализняк: Ну, санскрит и сейчас звучит: в городе Бенарес (Варанаси) записали санскрит в качестве родного языка 500 человек.

– А праиндоевропейский?

А. А. Зализняк: О праиндоевропейском можно судить только на основании реконструкции. На самом деле, этот вопрос часто возникает. Строго говоря, лингвист делает вывод только о сходстве, о совпадении и несовпадении: одна фонема в данном случае или две разные. Как звучали фонемы — это всегда гипотеза.

Как правило, в таких случаях основная опора состоит в том, чтобы найти среди живых языков язык примерно такой же структуры и посмотреть, как это звучит там. Языки не слишком разнообразны в этом отношении, не существует языков с какими-то абсолютно другими фонемами. Все языки мира в общем используют некоторый ядерный набор фонем: *м, р, а, о, у* есть почти везде. И вот подбирается язык, который по крайней мере в этом своем фрагменте максимально близок к тому, что у нас получается по реконструкции. Тогда самым вероятным окажется предположение, что и произношение было такое же, как там. Но, конечно же, это всего лишь гипотеза.

И. Б. Иткин: Еще вопросы?

– Скажите, пожалуйста, а как ученые пришли к выводу, что существовал праиндоевропейский язык, если от него не осталось памятников.

А. А. Зализняк: Пожалуйста. Но это и есть вопрос о том, имеется ли убедительная сила в том, что я вам рассказываю в течение часа и чем занимается большое количество лингвистов в течение двухсот лет.

Первый наблюдаемый вывод состоит в том, что существуют языки, которые очень похожи друг на друга. Не вызывает, например, сомнения то, что русский и украинский языки похожи, и это сходство не случайное. Тем самым мы делаем первый шаг в нашем заключении, что, вероятно, существовал язык-предок, общий для этих двух.

Все следующие шаги строятся таким же образом. Далее идет совокупность русского с украинским, с одной стороны, и, скажем, с другой стороны, совокупность польского с чешским. Вот у вас уже восточнославянские языки и западнославянские языки. Про них вы делаете то же самое предположение, что они в какой-то момент сходились к одному предку.

И вот таким же способом, делая уже не два шага, а три, четыре, шесть, семь, десять шагов вы приходите наконец до понятия праиндоевропейского языка. Вы правы в том смысле, что при каждом следующем углублении возрастает некоторый элемент ненадежности, — это верно. Ваш вопрос вовсе не такой немыслимый. Мне один раз в очень серьезной беседе пришлось отвечать на этот же вопрос, когда я разговаривал с настоящим французским скептиком — из тех, кто желал отрицать лингвистику как таковую. И вопрос был в точности такой же: откуда вы знаете, что существовал праиндоевропейский язык, и не является ли всё это сплошной вашей, лингвистов, выдумкой? Вот

примерно это я ему и отвечал. Так что мне не в первый раз приходится отвечать на этот вопрос.

Е. Б. Феклистова: А удалось Вам его убедить?

А. А. Зализняк: О нет, что Вы! Француза-скептика разве убедишь!

И. Б. Иткин: Еще вопросы, господа?

Полина Чернышева (6 класс, школа «Интеллектуал»): Вот тот язык, который вы написали перед старофранцузским — это какой?

А. А. Зализняк: Это тоже старофранцузский, но более ранний, который еще не отражен в записях. Это галльско-романский язык, та форма романской речи, которая бытовала на территории Галлии.

И. Б. Иткин: Есть ли еще вопросы? Если есть, держим руку высоко. Да?

Е. Б. Феклистова: Меня интересует ваше личное отношение, осмысленно или не осмысленно учить в 11 классе к экзамену, какое ударение указано в нормативном словаре?

А. А. Зализняк: Ну, понимаете, поскольку я занимался составлением соответствующих словарей, моя позиция заключается в том, что это осмысленно.

Другое дело, что есть вопрос о том, насколько и что можно и должно навязывать, а насколько нельзя. Сейчас общая тенденция состоит в том, чтобы не соблюдать правила, которые когда-то считались совершенно неизблемыми. Книги выходят с вольной орфографией, во многих издательствах отменена функция редактирования. И то, что сейчас читают школьники, — это часто плохой русский язык, с плохой орфографией и прочим.

Что касается ударений — то тут, конечно, есть разные зоны. Я думаю, что очень хорошим в этом смысле и очень взвешенным, не ударяющимся ни в одну крайность, ни в другую является Орфоэпический словарь Н. А. Еськовой. Там выдержана тонкая градация

указаний о том, как относиться к разным ударениям. Для значительной части слов в нем даются одинаково правомочные ударения: есть и такое, и такое, не надо бояться любого из вариантов. Для вариантов немножко различающихся у нее указываются тонкие различия: устаревающий вариант, устаревший вариант, не рекомендуемый вариант (кстати, не рекомендуемый вариант часто означает, что так говорит большинство), неправильный вариант и, наконец, грубо неправильный. Вот грубо неправильного, наверное, стоит избегать. Так что у меня такое ощущение, что такие крайности действительно хорошо было бы устранять в школе, а всё остальное находится уже более или менее в сфере факультативного.

И. Б. Иткин: Какие еще вопросы?

– Как вы считаете, насколько осмысленно было бы искусственно создать синтетический язык для всего человечества?

А. А. Зализняк: Эта идея в какой-то момент очень активно реализовывалась. Была целая эпоха: конец XIX — начало XX вв., когда появилось несколько таких языков. Самый известный из них — эсперанто, но есть еще добрый десяток других, менее известных: идо, волапюк, например. Остальные не выжили. Язык эсперанто в какой-то степени выжил, но большого успеха не имел.

Тут проблема вот такая. Доктор Заменгоф, который изобрел эсперанто, хотел создать идеальный язык, который не обладает никакими недостатками языков живых. Из-за этого его стали пропагандировать и предлагать всем им пользоваться.

А какие недостатки у живых языков? Те, что в них содержится масса исключений, масса неправильностей, какие-то сложные склонения, спряжения. А главное, что если какое-то правило есть — то из него обязательно есть исключения. И казалось так, что если устранить

этот недостаток естественного развития языков, снабдить человечество искусственным языком — то всё будет идеально. И действительно — эсперанто задумано именно так.

Но постепенно обнаружилось следующее обстоятельство, которое очень сильно влияет на оценку всего подобного творчества. Дело в том, что, как хорошо знает сегодня лингвистика, наличие исключений в языках не является каким-то случайным шумом в устройстве механизма языка. К нему нельзя относиться как к чему-то постороннему по отношению, так сказать, к идеальному замыслу языка. Выяснилось, что наличие исключений в живых, натуральных языках абсолютно неизбежно ввиду изменчивости языка — потому что язык, изменяясь, никогда не меняет свою структуру целиком от начала до конца. Меняются какие-то одни пласты, а другие остаются в более архаичном состоянии. Например, решительно в любом языке, где есть вспомогательные глаголы *быть* и *иметь*, они будут спрягаться не так, как стандартные глаголы. Сложнее будут спрягаться, иррационально, и каждую форму придется отдельно запоминать. Это характерно для французского, для английского, для латыни — решительно для всех языков. Казалось бы — зачем это нужно? Пусть у них будет такое же спряжение, как у всех остальных глаголов. Но это происходит не по принципу «зачем», а оттого, что такой употребительный глагол, важнейший для системы, постоянно используемый, постоянно повторяющийся, превосходящий среднюю частотность других глаголов в сотню раз — изменяется намного медленнее. Спряжение вспомогательных глаголов в громадном большинстве языков отражает состояние на несколько тысяч лет более древнее, чем спряжение рядовых глаголов. И это очень существенно.

Вы, может быть, пока не понимаете, к чему я это говорю, но я, тем не менее, дойду до ответа на ваш вопрос; я как раз к этому подхожу, чтобы ответить более основательно.

Тем самым оказывается, что при нормальном развитии языка как функции общения, а не просто чего-то выдуманного на бумаге, обязательно происходит такое расслоение: в одном языке бывают пласты более современные, средние и древние. У них разная грамматика, и поэтому древнее выглядит как исключение; так и формулируется, что это исключение.

К выдуманному доктором Заменгофом эсперанто это не подходит — там всё идеально. Но дальше происходит одно из двух. Либо это эсперанто остается на полке памятником изобретательности доктора Заменгофа, либо оно становится живым международным языком. А если оно становится живым международным языком, оно никуда не уйдет от законов развития языка: в нем появятся исключения. И тогда человечеству нет уже никакого смысла бросать свой английский, свой испанский, свой русский язык и переходить на эсперанто. Потому что пройдет лет сто (в масштабах развития языка это мелочь, надо только пренебречь тем, что тогда будем уже не мы) — и это эсперанто перестанет быть идеальным языком.

Вот это оказалось главным препятствием. В самом деле, в первой половине XX века на эсперанто очень активно переписывалось некоторое количество энтузиастов во всем мире. В одних странах это приветствовалось, в Советском Союзе это преследовалось, но это уже отдельная история. Факт тот, что на эсперанто стали сочинять романы, какие-то стихи писать, и выяснилось, что это до известной степени возможно. Но стали появляться исключения, отклонения от правил, идиоматические (то есть невыводимые из своих элементов) сочетания — ровно по

тем же неизбежным законам развития языка, о которых я говорил. Эсперанто стало больше похоже на обыкновенный язык. Оно еще не все свои преимущества потеряло, но находится на том пути, чтобы потерять.

Примерно то же самое происходит с ивритом в Израиле. Там они, правда, и не исходят из того, что это должен быть язык без исключений. Библейский язык, на основе которого построен иврит, — это вполне нормальный язык, в котором имеется регулярная грамматика, но имеются и части совершенно неправильные и т. д. Кстати, пример Израиля показывает, что в принципе возможно создать такую социальную ситуацию, что новое поколение будет говорить на языке, который предложили, так сказать, из идеи и который не был языком родителей. Так что с этой точки зрения эсперанто в принципе могло бы и привиться -- дело здесь, очевидно, в другом.

Вот ответ на вопрос, почему эсперанто реально не достигло статуса конкурента, скажем, для английского языка и, по-видимому, не достигнет. А про остальные тем более нечего сказать.

- У меня еще один вопрос. Может быть, абсурдно такой вопрос ставить, но правомерно ли говорить о том, что в будущем разовьется какой-то совершенный язык, лучше всех прочих языков?

А. А. Зализняк: О чем-то подобном уже шла речь в прошлый раз. Остановлюсь на этом вопросе еще раз, потому что он действительно многих волнует. Речь идет на самом деле о том, существуют ли более высокоорганизованные и более ценно устроенные языки, чем другие.

Ну, того, чего можно достичь в будущем, я не буду касаться, этого я не знаю. Но если сравнивать ныне существующие языки, можно ли одним языкам ставить высокую оценку, а другим низкую по некоторой шкале? Например, по той, которую Вы предлагаете. И

оказывается вот что. Если оценивать язык не вообще, а применительно к тому обществу, которое он обслуживает, скажем, папуасский язык — для общества папуасов, язык австралийских аборигенов — для австралийских аборигенов, английский язык — для тех, кто английским как родным пользуется, то оказывается, что степень приспособленности языка к нуждам соответствующего общества во всех случаях одинакова: она хороша. Языков, которые неудовлетворительно обеспечивают потребности своего общества, не наблюдается. Другое дело — если начать папуасский язык применять к английским нуждам. Тут окажется, что не хватает понятий решительно ни для чего.

Что говорить, русского языка оказалось недостаточно, чтобы покрыть все компьютерные и прочие понятия, которые к нам пришли такой массой совсем недавно, на ваших глазах. Когда происходит такое внедрение в жизнь общества чужого языка, то собственный язык этого общества действительно может оказаться в положении, что ему не хватает слов, выражений и прочего. Но причина здесь не в том, что один язык совершеннее другого, а только лишь в разнице и технического и экономического состояния обществ. Не говоря уже о том, что различна природа — у одних пальмы растут, у других плавают тюлени. И помимо этого, бывает разница еще и в другом. Например, выясняется, что ни один язык мира не имеет прямого эквивалента для русского слова *тоска*... Ну и так далее.

И. Б. Иткин: Ну, давайте тогда последний вопрос.

А. А. Зализняк: Да нет, пусть задают вопросы. Я не против.

Филипп Хаустов (8 класс): Скажите, пожалуйста, а артикль — это достаточно молодое явление в языке?

А. А. Зализняк: В тех языках, история которых хорошо наблюдается, европейских в основном, артикль

появляется на глазах истории. В латыни его нет. Но в греческом артикль был. Так что это не значит, что артикль — это во всех языках молодое явление. Греческий имеет артикль с самых древнейших времен — со времен «Илиады». Тут, по-видимому, нет хронологической зависимости. Для европейских языков это понятие последних полутора тысяч лет. Закономерности, которая была бы характерна для всего мира, я не знаю, думаю, что артикли появляются и исчезают примерно так же, как и другие элементы. Нет такого закона, который действовал бы во всех языках. Если бы он был, то во всех современных языках мира был бы артикль.

А как артикли возникают, известно довольно хорошо: это слово со значением «тот» для определенного артикля и со значением «один» для неопределенного — почти всегда это так. Как они могут исчезать? Тут у меня хороших примеров нет. Наверное, они исчезают путем сращения со словом с переосмыслением полученного результата. Т. е. не то, что их просто перестанут употреблять. Они могут срастись с началом слова, к которому относятся, стать его частью. (Кстати, не обязательно с началом, есть же постпозитивные артикли, которые стоят после слова, например, в шведском языке, в албанском.) Тогда полученное слово может потерять статус в плане определенности-неопределенности и использоваться как-то иначе. Вот такой здесь возможен путь, а чтобы они просто перестали употребляться — этого не бывает.

И. Б. Иткин: Если больше вопросов нет, то, давайте поблагодарим Андрея Анатольевича.

(Аплодисменты.)

А. А. Зализняк: Спасибо.